

European Journal of Law and Political Sciences

Nº 2 2016

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2016**

European Journal of Law and Political Sciences

Scientific journal

№ 2 2016

ISSN 2310-5712

Editor-in-chief

Orzechowska Kamila, Poland Doctor of Law

International editorial board

Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law

Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan, Doctor of Law

Chiladze George Bidzinovich, Georgia, Doctor of Law, Doctor of Economics

Gromov Vladimir Gennadievich, Russia, Doctor of Law

Ivannikov Ivan Andreevich, Russia, Doctor of Law, Doctor of Political Sciences

Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law

Jovanović Lidija, Croatia, Doctor of Political Sciences

Kartunov Alexey Vasilevich, Ukraine, Doctor of Political Sciences

Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia, Doctor of Law

Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences

Olteanu Oana, Romania, Doctor of Political Sciences

Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Law

Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia, Doctor of Political Sciences

Yurova Kseniya Igorevna, Russia, Ph.D. of History

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review

“East West” Association for Advanced Studies

and Higher Education GmbH, Am Gestade 1

1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

European Journal of Law and Political Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

East West Association GmbH is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Political science

Section 1. History of the political

Dogaru Cosmin Ștefan,
University of Bucharest PhD in Political Science,
Faculty of Political Science Assistant Professor
E-mail: dogaru.cosmin-stefan@fspub.unibuc.ro

Romanian politics in 19th century: the attitude of the liberals and the conservatives towards the two-party system

Abstract: Across this paper, I will examine the way in which the significant aspects of the Romanian two-party system were analysed by the political actors, both liberals and conservatives, during the reign of Charles I (1866–1914).

Politicians from both political currents, that dominated the Romanian political life in that time, debated a series of topics concerning the evolution and the operation of the *Romanian two-party system*: the liberal political regime, the *government alternation* between the liberals and the conservatives, the role of the constitutional monarchy in the consolidation of the Romanian political regime etc.

The conservative and liberal political leaders together with Charles I (who was first the prince and then, after 1881, the king of Romania) supported the operation and the consolidation of the government alternation, according to the British model, between the two political forces that invariably dominated the Romanian political regime: the National Liberal Party — NLP (founded in 1875) and the Conservative Party (created in 1880).

Keywords: political regime, Charles I, government alternation, political leaders, Romanian two-party system.

Introduction

The government alternation of the two forces represented a major concern of the political leaders, who considered this mechanism as very useful for the good operation and organisation of the Romanian state. The coalition governments became undesirable on the political platform since they tended towards *political instability* — noticed between 1866–1871 [5, 100], followed by a stable political climate (1871–1876) and then long governments period — the liberal one (1876–1888) and the Junimea conservative one (1888–1895). In time, the power alternation of the two parties was the only viable political mechanism known until then that offered the long-wanted political stability, especially after the *stabilisation of the two-party system* in 1895–1914.

For this type of research, that is still relevant for the nowadays Romanian political realm, I will use

comprehensive methodology related to critical text analysis and comparison of relevant historical data to be found both in official sources such as political and parliamentary discourses and in personal documents such as memories.

The government alternation of the liberals and the conservatives

During that time, the politician Vasile Boerescu exposed the alternation mechanism as a natural factor in the Romanian political regime: “*we also manage to learn — step by step — that the opposition should not be seen as the enemy. This is the law of progress and I think that our parliamentary system made serious progress. I remember how much we have progressed at least since 1859 onwards*” [2, 248]. We can remark that the *political stability* represented the normal unfolding of the state and, implicitly, the progress. Invariably, in time, the alternation of power of the two politi-

cal forces ensured political stability and generated a consolidation of the liberal political regime.

Vasile Lascăr, an important leader of the National Liberal Party, expressed his conviction in a Chamber meeting, on March 25, 1901, when referring to the adversary, the Conservative Party (obliged to step down from government due to its well-known inner strife): “we wish it from all our hearts to reunite and become a strong government party, which could lead the state affairs when we are not able to go on and could continue the work that the liberals had started” [14, 401]. Vasile Lascăr’s belief was that both political parties had to be sufficiently strong from an organisational point of view and not only in order to create some balance within the Romanian political regime.

Furthermore, the liberal Vintilă I. C. Brătianu, an important political leader of that period, specified the relationship between the opposition and the ruling party. According to him, a political party in opposition turn out to be “a control agent for the executive power”, therefore “capable to examine the solutions offered by the adversaries, to go against them when they do not believe them suitable and even to propose other solutions” [3, 374].

From the other part of the political spectrum, the conservative Take Ionescu asserted without doubt that “a constitutional and parliamentary government cannot exist otherwise than in those cases in which the differences between the parties are such that the one can continue the work of the other” [10, 107]. From this point of view, one can find common ground between the liberal Vasile Lascăr and the conservative Take Ionescu, both pleading for the necessity of balance between the two government parties — each of them being capable to continue “the work of the other” towards the good operation of the Romanian state. In this respect, the relationship between the government and the opposition had to be based on a series of well-established parametres of the political game in order to come up with the reforms that were necessary for the country: “the other is the true political conception of the two parties concurring to the achievement of great deeds [for instance, the sanctioning of the Constitution]” [11, 66].

Both had to concur to the big projects that were connected to the national objectives or to the good operation of the state. Also Take Ionescu, in a dis-

course delivered on the 14th of November 1896, in Iași, was offering an interesting analysis of the alternation mechanism in Romania: “by party alternation I do not understand a mechanical operation, which could, for instance, decide that each government should stay in power for five years and then step down; no, by party alternation, I understand the replacement of a party, when its work power decreased, with the other party, which was full of life and power” [10, 32–33]. When one of the two parties diminished its political force, the other was supposed to continue the reform process that was necessary for the young Romanian state.

A year later, in the political dispute, Take Ionescu was criticising the National Liberal Party because “they thought that the government of the country belonged to them through divine right, that the government was only theirs and that any raise to power of the conservatives was considered a kind of usurpation” [10, 106].

The formation of the Conservative Democratic Party (1908) — A challenge to the operation of the Romanian two-party system

Thus, Take Ionescu, a capable and pragmatic politician, militated for the government alternation of the two parties asserting that: “for both parties there must be a place under the sun; they should alternate in government, but from their alternation, the permanent interests of the state should not suffer; on the contrary, with all their alternation, some things must remain beyond their passions and reciprocal revenge” [6, 57–58]. At that moment, this political leader thus supported an organised alternation of the National Liberal Party and the Conservative Party, which should lead to the consolidation of the political mechanism and, implicitly, of the state. With the formation of the Conservative Democratic Party by Take Ionescu in 1908, his vision changed for another political direction, which had sensible immediate results in the Romanian party system.

Within the Romanian political regime, the creation of the Conservative Democratic Party produced an internal hemorrhage within the Conservative Party and weakened the force of the conservatives in front of their adversaries, the liberals, who managed to maintain the unity of their party even after the death of Charles I, in 1914. During that time, the liberals knew to play the political game

better, having a firmer party discipline than their political adversaries [7, 127] and managing to adjust with more ease than the conservatives to the changes that appeared in the Romanian state and in the Romanian society, especially after the First World War (WWI), when the two reforms that were necessary for the development of the Romanian state: the agrarian reform and the electoral one were introduced.

The government alternation between NLP and the Conservative Party — A mechanism favored by the majority of the political leaders

Another vocal leader of that age was the conservative Nicolae Filipescu, who also in a discourse delivered on 29 January 1897, referred to the system of government alternation between the two political forces: “*the liberal party came to power not due to its merit, but due to a constitutional necessity, through the effect of our political mechanism, which imposed the party alternation*” [8, 234]. Also, an experienced politician, Filipescu understood and supported the power alternation of the liberals and the conservatives because: “*when one stepped down from power, the other was ready to take over its inheritance*” [9, 13]; he disliked the implication of other important political forces in the political arena: “*the multiplicity of the parties can only multiply the occasions of favoritism for the king and the causes of discontent for the parties*” [9, 13].

In the political game, after winning the elections, the government parties used to appoint the members of the administrative mechanism, as a feasible practice. Titu Maiorescu, a sensible politician who was loyal to the political game of the age, was convinced that: “*it is natural to address first one’s well known party members, who thus receive administrative positions. If this can be called clientelle, then no government can do without it. If there is nevertheless a ‘de facto’ difference between clientelle and party members, then this difference consists of that line of demarcation between the idea of general interest and the tendencies of some particular interests. If there is a plus on the side of the general interest, this plus is for the cause and distinguishes the party members from any clients*” [15, 195].

At the same time, the power game was well constituted with specific features. When a cabinet had to step down, the ministers that represented the

government party “*had to back off, to be questioned eventually on their former deeds, maybe as an extreme consequence; in any case, new ministers were supposed to replace them and to represent a different majority — that is a different party*” [15, 410].

Among the important political leaders at the end of the 19th century and the beginning of the 20th, Titu Maiorescu was firmly convinced that in the political arena, “*it is in the essence of the constitutional system to have at least two parties/.../If these do not exist, there is only a democratic, Caesarism’, not a parliamentary system*” [16, 72]. A useful mechanism was thus regulated within the political game for the operation of only two government parties, the National Liberal Party and the Conservative Party, which could thus ensure the political stability of the country.

In 1895, when the liberals came back to power after seven years of opposition, the conservative Titu Maiorescu considered that the liberal government, lead by D. A. Sturdza, could not be considered henceforth a ‘personal government’, but “*on the contrary, a government that was constitutionally correct*” [16, 65]. The accusation of *personal government* represented an instrument of attack used by both political forces alongside other forms of attack that were well known: the press, the public meetings, the street riots etc. This was an important moment for the Romanian political regime, because at this moment one could note the stabilisation of the government alternation between the National Liberal Party and the Conservative Party, embodying the last stage of the reign of Charles I (1895–1914); in that period, the government alternation had become a political custom that was well anchored in the mentalities of the politicians and led ineluctable to the consolidation of the Romanian two-party system.

In his analysis of the Romanian political life of the period, the conservative Constantin Argetoianu supported Charles I regarding the wish of the monarch to use the two parties — the liberal and the conservative — alternatively for government in order to strengthen the political regime.

The influence of Charles I in the political regime

The king sometimes got directly involved in the political life of the country and endorsed one of the two government parties; the reasons were multiple:

when the party (the National Liberal Party or the Conservative Party) was weakened by intrigues or personal interests or by a leader without political force. In this regard, Charles I considered that both parties were necessary and that they should have equal forces in the operation of the government alternation.

The conservative Alexandru Lahovari stated the role of Charles I, in the political regime, as a constitutional monarch during a meeting of the Senate, on 15 November 1888: *“the king can interfere without neglecting a word of the fundamental pact/.../Then, the king stops just registering the ministerial decrees and becomes a high mediator concerning the struggling parties”* [13, 9]. The moment of the fall of the Brătianu government (March 1888) represented a milestone in the Romanian political life, the king thus proving that he was a constitutional monarch, who diligently exercised his function as a mediator of the Romanian political regime. He supported firmly the competition between them as a factor of balance in the operation of the government alternation. At the end of his reign, in 1913, the Conservative Party was in a similar situation and, as the king *“was convinced that the Balkan campaign would be a great success for Romania, he wanted the Conservative Party to own this success, without any contribution from the National Liberal Party”* [1, 34].

Regarding the functioning of the government alternation of the National Liberal Party and the Conservative Party, Argetoianu considered that *“the elections [the future ones, of 1914] would be very difficult for our party. That happens first because the liberals are supposed to win them (so were the requirements of the “rotation” [alternation] mechanism and the plans of Charles I) and are intent on doing anything to win them”* [1, 52]. Since January 1914, the liberals acceded to power and Charles I continued to militate for the alternation of the two parties (the National Liberal Party and the Conservative Party); more than that, the monarch intensely supported the unification of the two conservative parties (the Conservative Party and the Conservative Democratic Party) in order to counterbalance the National Liberal Party.

Common discontents concerning the government alternation

At the other end of the political spectrum, C.I. Istrati, a conservative politician, was presenting a discussion he had with one of his colleagues on the power alternation mechanism during the reign of Charles I: *“a spirited colleague was telling me that he could see no difference between the two important parties except for the fact that: <one is in opposition and the other is governing!>”* [12, 89–90].

The politician M. Theodorian Carada found, in that period, without question various disfunctionalities in the operation of the government alternation mechanism: *“egoism and personal ambition are so important for them that they cannot use the real qualities they possess/.../they are not a real government party, but only some ephemeral coalitions with ministerial portfolios while the adversary party takes its time to rest and recover the forces needed for government”* [4, 5]. Not all the politicians supported intensely or openly the alternation mechanism of the liberals and the conservatives, but in that period the great majority of the political elite did endorse the monarch's project.

Conclusion

The construction process of the modern Romanian state was accomplished only in the second half of the nineteenth century and went through several stages both in the domestic realm and in the foreign one. Alongside the adoption of the 1866 Constitution, the local cultural and political elite together with prince Charles I established the constitutional and institutional framework of the new political regime.

Consequently, the young Romanian state, consolidated in 1866, started a new era, culminating with the achievement of the state independence and with its recognition (1877, 1878). Prince Charles I, later to become the king (after Romania became a proclaimed Kingdom in 1881), together with the liberal and the conservative politicians of the age, initiated a political project meant to examine the modernisation of the Romanian state as it was done in tune with the European template.

References:

1. Argetoianu Constantin, Pentru cei de mâine. Amintiri din vremea celor de ieri (For those of tomorrow. Memories from those of yesterday), Vol. I (1888–1898; 1913–1916), Bucharest: Albatros, 1991.

2. Boerescu Vasile, Discursuri politice – 1859–1883 (Political Discourses – 1859–1883), Vol. I (1859–1873), Bucharest: Atelierele Grafice SOCEC & Co. Societate anonimă (Graphics Workshop SOCEC & Co. Anonymous Society), 1910.
3. Vintilă I. Brătianu C., Scrieri și cuvântări (Writings and Speeches), Vol. I (17 June 1899–31 December 1906), Imprimeriile Independența (Independence Printers), Bucharest, 1937.
4. Carada Theodorian M., Vremuri critice. Reforme ce se impun (Critical Times. Reforms That Are Necessary), Bucharest: Tipografia Profesională Dimitrie C. Ionescu (Dimitrie C. Ionescu Professional Press), 1913.
5. Sorin Liviu Damean, Carol I al României 1866–1881 (Charles I of Romania 1866–1881), Bucharest: Paideia, 2000.
6. Discursurile d-lor L. Catargiu. G. Gr. Cantacuzino, Generalul Manu, N. Filipescu, C. Dissescu, George Panu, Take Ionescu, Întrunirea conservatoare de la Iași (The Discourses of Mr. L. Catargiu. G. Gr. Cantacuzino, General Manu, N. Filipescu, C. Dissescu, George Panu, Take Ionescu, The Conservative Meeting in Iași), Bucharest: Tipografia «Epoca» ('The Epoch' Press), 1896.
7. Cosmin-Ștefan Dogaru, «Le Parti National-Libéral et le Parti Conservateur dans la lutte pour le pouvoir (1888–1914)», in the Yearbook of the «Gheorghe Șincai» Institute for Social Sciences and the Humanities of the Romanian Academy, Tîrgu Mureș, XVIII/2015. P. 119–133.
8. Filipescu Nicolae, Discursuri politice (Political Discourses), Vol. I (1888–1901), Bucharest: Minerva, Institutul de Arte Grafice (Institute of Graphic Arts), 1912.
9. Filipescu Nicolae, Partidele politice, Cinci articole apărute în «Timpul» (Political parties, Five articles published in The Time), Bucharest: Tipografia Săvoiu & Lăzăreanu (Săvoiu & Lăzăreanu Press), 1890.
10. Take Ionescu, Discursuri politice (Political Discourses), Vol. III (1896–1899), Bucharest: Librăria Socecu & Comp. (Socecu & Comp. Booksellers Press), 1903.
11. Take Ionescu, Discursuri politice (Political Discourses), Vol. IV-15 months of government (1899–1900), Bucharest: Tipografia G. A. Lăzăreanu (G. A. Lăzăreanu Press), 1901.
12. Istrati C. I., De ce suntem conservatori? (Why Are We Conservatives?), Institutul de Arte Grafice, «Carol Gobl» («Carol Gobl» Graphic Arts Institute), Bucharest, 1904.
13. Lahovari Alexandru, Discursuri parlamentare (Parliamentary Discourses) (1888–1891), Bucharest: «Librăria Școalelor» C. Sfetea (C. Sfetea 'Schools Booksellers' Press), 1915.
14. Lascăr Vasile, Discursuri politice (Political Discourses), Vol. I, Bucharest: Noua Tipografie Profesională Dimitrie C. Ionescu (Dimitrie C. Ionescu New Professional Press), 1912.
15. Maiorescu Titu, Discursuri parlamentare cu priviri asupra dezvoltării politice a României sub domnia lui Carol I (Parliamentary Discourses Referring to the Political Development of Romania during the Reign of Charles I), Vol. IV (1888–1895), Bucharest: Albatros, 2003.
16. Maiorescu Titu, Discursuri parlamentare cu priviri asupra dezvoltării politice a României sub domnia lui Carol I (Parliamentary Discourses Referring to the Political Development of Romania during the Reign of Charles I), Vol. V (1895–1899), Bucharest: Albatros, 2003.

Section 2. Political problems of the international relations, global and regional development

*Dursunov Ramil,
PhD in International Law
E-mail: dursuonovrm@gmail.com*

“Frozen conflicts” as the instrument of foreign policy

Abstract: This article observes the instruments of realization of the foreign policy tasks through encouraging and “freezing” of the internal conflicts inside participants of the system of international relations. To achieve this goal it will be reviewed the historical background of the development of this mechanism of the foreign policy. The article is also intended to identify the basic patterns of the “frozen conflicts”.

Keywords: Concepts: system of international relations, public international law, unrecognized entities, internal conflicts, ethno-national conflicts, “frozen conflicts”.

Introduction

The modern system of international relations is characterized by the presence of “frozen” conflicts among and inside its participants. In order to understand the nature of the “frozen conflicts” it should be considered historical background of this phenomenon.

The modern system of international relations began its formation after the Second World War. It was the bipolar system of international relations which was characterized by establishing of the modern system of international law. The loss by Western European states of their international political power in post-war period led to a deprivation of their control over their traditional “zones of influence.” [1] The process of decolonization in the framework of the international legal principle of self-determination [2; 3] meant the liberation of these “zones of influence” from their old colonial metropolises. This situation was used by the members of the system of international relations that had sufficient power and the desire and the ability to expand their influence on these areas.

Internal conflicts of the subjects of the system of international relations

The new system of international law provided principles and norms of interaction of the subjects

of international relations. International legal principle of non-use or threat of force blocked historically traditional method of aggressive war for expansion of influence. Moreover the nuclear parity of the USA and the USSR made impossible direct military confrontation between these two states because of the threat of mutual destruction. And the United States and the Soviet Union began to use **the internal conflicts** to spread their influence on the newly formed state in the result of process of decolonization. This allowed them to bypass the international legal principle of non-use or threat of force [26] and the principle of territorial integrity [5].

In some states internal conflicts had political and ideological character, when supported by the US and the USSR political forces struggled in military confrontation to achieve the power over the states [6]. This often led to protracted armed conflicts and changes of power in the newly formed states. However, when definite social groups came to state power, they were forced to seek support from their patrons to keep this power in their hands. This is the description of the **political-ideological** internal conflicts.

In addition to the political and ideological confrontation a special place was occupied by internal conflicts of **ethno-national** character. Internal eth-

no-national conflict within the principle of self-determination of peoples was necessary to separate the “zone of influence” from its patron or the colonies from metropolises. Passing ethno-national stage, former colonies separated from their European metropolises and entered in the phase of internal political and ideological struggle. In the case of impossibility to spread political and ideological conflict it was repeated ethno-national conflict already in the former colony. Such political-ideological or ethno-national internal conflicts were supported by in the interested states to spread there influence over them. The period of decolonization was used by the USSR and the USA to develop and to apply instrument of internal conflicts to spread their influence over the newly formed states.

However, the situation changed with the fall of the USSR. The collapse of the Soviet Union meant that the bipolar system of international relations remained without one central force. This led to the transformation of the international system and the redistribution of the balance of power among the participants [7]. The loss of power of the USSR meant liberation of its “zones of influence” from soviet custody. States and territories, that were under the influence of the Soviet Union left unattended. In turn, this automatically raised the question of the spread of influence on these areas by the strongest at that time members of the system of international relations. In practice, this meant that after the collapse of the Soviet Union out of influence were former Warsaw Pact countries, states in Africa, the Middle East and Asia.

Besides, the collapse of the Soviet Union was accompanied by a declaration of independence by the states that were the direct administrative and territorial units of the USSR [8]. In turn, this also meant that these areas were also considered as potential areas for the spread of influence. While the Soviet Union after its collapse was in the process of the transformation, it was unable to exercise authority over its former zones of influence. The Russian Federation, as a military and political heir of the Soviet Union, was focused on restructuring its internal political and economic system. Internal policy of the Russian Federation was aimed on the transformation of the ideological, political and economic aspects of

the state. Such cardinal internal changes could not coexist with an effective foreign policy during this period. Foreign policy is interconnected with internal policy, so the process of the internal transformation was reflected in the external aspect.

After the collapse of the Soviet Union ideological confrontation has lost its meaning. However the areas, which were under the ideological and political influence of the Soviet Union left without there patron. As we mentioned, there arose the necessity of reallocation of free “zones of influence” by capable participants of the system of international relations. And to expand such influence it was necessary special instrument of foreign policy. **Internal ethno-national conflict** became such instrument of foreign policy. Application of this instrument was favored by several factors. Transformation of the system of international relations allowed suggesting that these conflicts were the natural consequences of such changes. Secondly the lack of codification of the international law in questions concerning the definition of the nation, of the international legal recognition of the states, of the right of nations on self-determination [9] allowed legitimization of such actions.

By stimulating internal ethno-national conflicts centers of powers have the opportunity to encourage secessionist movements and thereby extend there influence on the states. Moreover, internal ethnic conflict is closely related to secessionist movement. In the framework of such conflict, there is one ethnic group that exercises public authority and de jure controls the territory of the state, and there are the other ethnic groups who seek to secede from an existing state and gain power over a certain territory.

It should be noted that ethno-national conflicts are most prevalent in the international system. So from 1955 to 1996 there were 239 wars and regime changes caused by inter-ethnic conflicts [10]. It can be concluded that despite of the existence of the principle of non-use or threat of force, despite the existence of the UN Security Council, the military conflict remains the most effective way to change the political power and to redistribute “zones of influence”. By the end of the 90s, there were about 275 ethnic groups in 116 states around the world that were in conflict condition [11] Consequently,

inciting of internal ethno-national conflict is the most convenient and efficient method of indirect interference in the internal affairs of the states.

Internal ethno-national conflict as an instrument of foreign policy makes possible to influence in two directions. On the one hand, it gives the opportunity to spread its influence over the group, which carries power by the providing of the help for suppression of the secessionist movement. On the other hand, it gives the opportunity to help secessionist movement to get the necessary amount of power over a certain territory and put it in dependence from the economic, military and political assistance of the patron.

Modern system of international relations is characterized by a complex balance of powers among the participants. These participants are not interested in strengthening and spreading of the influence of the other participants. Therefore, the majority of ethnic conflicts are influenced by multiple centers of power. If in the bipolar system of international relations confrontation was bilateral in nature, in the present conditions system of international relations is much more complicated.

In the internal ethno-national conflicts can be identified **explicit** (direct parties of the conflict) and **implicit** participants (indirect or interested or third parties). Explicit participants are directly involved in the conflict, they could be designated as the “center” and “periphery”. “Center”, is intended to keep its power within the existing territorial boundaries and “periphery” tries to separate or increase its power. Implicit or interested third parties are those members of the system of international relations that provide aid or to the “center” or to “periphery”. This assistance is provided in exchange for certain political, economic and military benefits.

Therefore, most of the internal ethno-national conflicts in the states could be considered not only as a confrontation between direct participants, but also as a confrontation between the interested states. The interested states could exercise their influence on the conflicts in different ways. Moreover it would be quite difficult to identify such intervention. Intervention may be in legal level, such as the international legal recognition of the secessionists as belligerent or as subject of international law. This can be

also economic assistance, by providing the necessary resources for the separatists. This could be military assistance, by providing military help to “center” or training and arming of the separatists. Political influence is also important, and is closely related to legal intervention.

“Frozen conflicts”: theoretical provisions

The definition of “frozen conflict” has no unified determination in scientific literature. The term “frozen conflict” seems to have entered into a scientific use after it was applied as definition by the OSCE [12]. The OSCE is a regional security organization. Therefore it is likely that under the “frozen conflicts” are referred the conflicts in settlement of which is involved the OSCE. This is the Nagorno-Karabakh conflict, the Transnistrian conflict, Abkhazia and South Ossetia [13]. Some scientists also refer to “frozen conflicts” only conflicts in the states of the former Soviet Union: Nagorno-Karabakh, Transnistria, Abkhazia and South Ossetia [14; 15]. Other scholars see as “frozen conflicts” situation in Western Sahara [16], Palestine and Cyprus [17]. Some scientists refer to such conflicts case of Kosovo [18]. There is also a scientific approach that considers a “frozen conflicts” all not completely settled armed conflicts and include the conflict between North and South Korea [19], India and Pakistan [20], between Tibet and China, Tamil conflict in Sri Lanka [21] and others.

From my point of view, we should distinguish **internal** and **external “frozen conflicts”**. In the first case, it is a military conflict between the two recognized states of the system of international relations, which entered in to the “frozen” phase. In the second case, it is an internal armed conflict inside the state, which entered into the “frozen” phase.

Considering the “**frozen conflict**” it could be made certain inferences. Conflict, before entering into a phase of “frozen conflict” should pass the phase of military conflict. Military conflict corresponds to the directed violence, which is characterized by expression of physical and military force for satisfaction of definite interests. In the result of the military conflict there occur certain changes in the relations between the parties of the conflict. On the one hand it could be full satisfaction or partial satisfaction of the interests of one party of the conflict. Or it could be the condi-

tion of equivalent confrontation. Mutual satisfaction of the interests of the parties is not possible. In this case, the composition of the conflict disappears. But the satisfaction or partial satisfaction of the interests of one party leads to the opposite condition of other party. On this basis, unsatisfied party has to continue military actions or agree with this situation. Agreement with the situation, which is contrary to the interests of the parties, may be caused by objective, subjective or objective-subjective reasons.

Inability to conduct military operations and the divergence of the interests according to the existing state of affairs leads to a transition from armed conflict into non-military confrontation. This stage is characterized by confrontation between parties by all available means, except of full-scale military-violent methods. So, this stage of the confrontation, which came after the military conflict, is "frozen conflict". This condition of confrontation tends to the military conflict, but certain factors do not allow this to happen, and this characterizes "frozen" mode of conflict.

It could be asserted that the most correct will be to attribute to the "**frozen conflicts**" all the conflicts that have not been sufficiently settled and retain the risk of renewal. However, despite of the existing risk of recurrence of such conflicts it is maintained status quo caused by factors that do not allow them to resume. These factors are the reasons for the conflicts to be "frozen". In other words, parties of the conflict may have necessary objective resources or desire to resume these conflicts, but are unable to do so.

It should be noted that the "frozen conflicts" should have certain common characteristics. Therefore, we can identify certain characteristics of "frozen conflict":

1. The presence of a military conflict between the parties.
2. Change the objective mode of the parties in the result of the military conflict (formation of unrecognized territorial units or unrecognized territorial changes).
3. The divergence of the interests of the parties of the conflict.
4. The presence of implicit participants in these conflicts.
5. Ethno-national and political-ideological character of these conflicts

6. Tendency to renew the military mode of conflict, but impossibility to resume it for definite reasons.

Some signs of "frozen conflicts" can not be the same for all cases. But there are basic features that uniquely characterize these situations. **Firstly**, it is the presence of military conflict preceded the so-called "freezing". **Secondly**, divergence of interests and increase of confrontation between parties of the conflict because of the results of military actions, and the inability to renew military actions for definite reasons. And, **thirdly**, an implicit influence of third parties or implicit participants who contribute to "freeze" the conflict.

As we can see, "freezing" of the military conflict has its specific reasons and grounds. Therefore it is necessary to consider these factors. Probably, these factors can be divided into subjective and objective and objective-subjective.

Objective reason of "frozen conflict" is a situation when continuation of military confrontation threatens the normal functioning and existence of the conflicting parties. In this case, the parties of the conflict are compelled to cease hostilities and to come to certain agreements. It is also could be caused by insufficiency of material resources necessary to continue the military conflict. But at the same time, a conflict of interest is not solved.

In addition, there is a subjective factor. Under the **subjective** factor should be considered the reasons caused by the actions and interests of the governments of the conflicting parties. In some cases, foreign policy depends on the subjective perception of the situation and of the objective reality by the individuals who govern political-territorial units [22]. And, they may choose the path of the development of the conflict on the basis of their personal interests. Individuals and groups of individuals who are at the head of government of the conflicting parties have the opportunity to perform on behalf of the parties of the conflict. And the actions of such groups of people may have international legal character, as well as to influence the development of internal conflicts.

It should be noted that in the "frozen" conflicts could be involved third parties, or in other words implicit participants of military conflicts. This fact can be described as **objective-subjective** factor, because

the existence of certain political forces in the system of international relations is an objective reality, but the direction of their activities are determined by the subjective bases. Global and regional leaders have the opportunity to influence the less powerful participants in international relations. And so, in many cases, an internal military conflict of one participant of the system of international relations turns into a confrontation of other participants of the system.

Of particular interest is the possible **mechanism of “frozen conflict”** as an instrument of foreign policy. Let us suppose that the global participant of the system of the international relations have the desire to spread their influence on more “zones of influence”. To achieve this strategic goals are elected. These goals are the most desirable for expansion “zones of influence” which are selected on the basis of objective necessities and subjective interests. These zones constitute the strategic goals of participants of the system of international relations. And the most convenient to influence on are members of international relations system, which have a small force.

After the analysis of internal political and social relations in the states, which are potential targets for foreign influence, features of their social stratification are defined. After this, stimulation of certain groups of the population begins. It is necessary in order to create conflict between this group of society and the existing government. Moreover, there are possible different variants. If the state is a multinational, the ethno-national groups are stimulated. Stimulation of these ethno-national groups of the population has a number of advantages. First of all, ethnic groups and nations are inherently striving for their own state, just as the individual has the pursuit of private property. And secondly, the principle of self-determination makes it possible to rely on international law in the case of actions.

In another case, when the state is mono-ethnic or use of ethno-national groups is not possible, it is used stimulation of certain political entities within the state to create a conflict situation.

And when necessary groups of society are stimulated, escalation of the conflict begins. The conflict, which begins as a normal opposition in the form of public actions is brought to a violent conflict between the parties. State trying to restore public and

legal order is compelled to use physical force against conflict group of the population, which is receiving an active economic, military, ideological support from interested third parties.

As a result public opposition grows into a military conflict, which automatically leads to the humanitarian consequences. The system of international law in its core has humanitarian and anthropocentric character. So such situation creates moral and legal grounds for further interference by the third parties in the internal affairs of the state. As a result, in order to prevent a humanitarian tragedy or after such, third parties receive the necessary international legal basis for intervention. By the means of political pressure or peacekeeping intervention parties of the conflict are obliged to establish a ceasefire. Correspondingly the conflict is “frozen” from this moment.

But by the time of “freezing” the secessionist movement has already received certain benefits through the distribution of factual power over the definite territory. This state of affairs is actively promoted by the third parties who are interested that their protégé received definite territorial or political advantages. This is necessary to ensure that these factually breakaway territories constituted reasons and composition of the “frozen conflict”. It should be noted that international legal mechanisms have an important role in the process of “freezing”.

After the conflict has been “frozen” state-initiator of internal conflict receives tangible benefits. **Firstly**, it gains control over the secessionist de facto entity which is under the direct influence of a third party. The viability of the politically-territorial entity depends entirely on the interested third participants of the system of international relations. And **secondly**, the third party receives effective leverage of influence over the state on territory of which de facto political-territorial entity was formed. The foreign policy of the affected state is focused on the return of authority over separatist areas, which ultimately leads to the necessity of interaction with third parties who implicitly support such territories. **Thirdly**, secessionist politically-territorial entity is outside the bounds of international law until it receives international legal recognition. However, this situation is favorable for interested third parties who can

use this international legal status of secessionist de facto entity for possible foreign policy maneuvers. In case of necessity it is possible to provoke a new military confrontation that would eventually lead to the legitimization of another military intervention.

Participation of third parties is often decisive in the “freezing” of the conflicts. The modern system of international relations is globalized. No conflict, both internal and external could be left without attention of the most influential participants and supranational structures. Therefore, the most influential members of the system of international relations can interfere in the internal conflicts of other participants of the system to implement their foreign policy goals. Even more, the most powerful members of the system of international relations can incite the conflicts, and then “freeze” such conflicts. Therefore, we can consider some of the “frozen conflicts” as an instrument of foreign policy in the hands of the most influential participants of the system of international relations.

“Frozen conflicts”: practical provisions

If the incitement of the conflict is historically known instrument of foreign policy, but “freezing” of the conflicts is the trend of the modern international relations. The principle of divide and rule, the authorship of which is attributed to various sources, has been used successfully for a long time. Incitement of the conflict within the political rival led to his inevitable weakening, which in turn made it easier his capture and subjugation. As the history of the statehood was the history of wars and military conquest of the territories, this principle had been successfully applied. However, the formation of the new system of international relations has set an aggressive war as a method of foreign policy out of international law.

The strongest participants of the system of international relations were compelled to look for ways of spreading their influence and legitimizing possible military action. Therefore, the **internal conflict** becomes the most optimal tool. Centers of power by the way of incitement of the conflicts within the weaker participant of the system of international relations have the opportunity to influence in various ways. However, one of the most effective methods was the peacekeeping way that allowed the military

troops to stay on the territory of another state on the legitimate basis depending on humanistic approach. And such peacekeeping presence is aimed not on settlement of the conflict but on “freezing”, which gives the opportunity to stay in the territory for indefinite time.

Especially effectively incentive and “freezing” mechanism of internal ethno-national conflicts, as an instrument of foreign policy has been implemented in practice after the collapse of the USSR. After the Soviet Union collapsed and began its transformation in Russian Federation, the bipolar international system has lost one of its centers of power. Loss of power of the Soviet Union meant liberation of the “zones of influence” of the USSR. This situation was used by other participants of the system. Eastern Europe states automatically came under the influence of Western Europe states, which by the method of internal ethno-national conflict divided Yugoslavia. As a result, the peacekeeping troops entered in the former Yugoslavia. This meant creation of the internal “frozen conflict”. However, this conflict remained not very long in the internal “frozen” form. Western members of the international system constituted political and territorial entity of Kosovo, which proclaimed its legal independence [23], but in the fact remained under the control of the Western states. The military presence is also stored for an indefinite period. It should be said that this is of the possible way of development of “frozen conflicts” to implement foreign policy interests.

Russia as a successor of the USSR, suffered numerous losses of their “zones of influence” in Eastern Europe, Africa and Asia. However, the newly-formed states that were the part of the USSR as the Soviet Union republics were perceived as strategically important territories. Therefore, to preserve the influence on these territories in the process of transformation of the Soviet Union in Russian Federation there were launched internal ethno-national conflicts.

Taking advantage of the instability of governmental processes in the newly independent states and having direct access to the ethno-national elites, the Russian Federation provided them with assistance. And by this way secessionist movement were stimulated. As a result, this led to military clashes between the central power and the secessionists

who received active military support of the Russian Federation. In the result of the military and political manipulation of Russian Federation newly independent states were forced to sign certain agreements.

As a result the unrecognized political-territorial units of Nagorno-Karabakh, Transnistria, Abkhazia and South Ossetia were created within the newly formed states. These de facto entities are controlled and influenced by the Russian Federation, which ensures their economic existence and performs as the guarantor of their security. But Nagorno-Karabakh is under control of Armenia, which in turn is dependent from Russia, especially in military dimension. From the other side the states on territories of which were created such entities, are compelled to accept the definite views of the Russian Federation. Solution of these territorial issues is directly depend on the position of the Russian Federation and without its consent settlement of these conflicts is impossible. In case of necessity, the Russian Federation can aggravate the already existing situation, provoking military action, which will allow direct military intervention.

The actuality of this foreign policy instrument clearly demonstrated on the example of Ukraine. Internal ethno-national conflict in Ukraine received its escalation with the support of Russia, which in this case acted as a third force. Russian Federation stimulated Russian ethnic groups in the Crimea and this led to the secession of the territory. Implicit ideological and military assistance that was provided by the Russian Federation, was crucial for the implementation of separation. However, depending on ethno-national groups of the Crimea, the Russian Federation was able to circumvent international legal principles of non-use or threat of force and the principle of territorial integrity. On the basis of international legal principle of self-determination of peoples and referring on the Kosovo precedent, through internal ethno-national conflict, the Russian Federation has successfully implemented its foreign policy objectives. As a result, this has led to the “freezing” of the conflict. However, this situation should be viewed as an interstate “frozen conflict”.

The situation in the Crimea is nonstandard. Crimea in the process of international legal manipulations by the proclamation of independence [24]

under the international legal principle of self-determination of peoples and the institute of recognition of the states factually became the territory of the Russian Federation. State interests of Ukraine do not coincide with this situation. This causes the “frozen” conflict between Russia and Ukraine over the Crimea. It should be noted that this “frozen conflict” did not have the military phase of the conflict, but the use of unidentified military forces was clearly seen.

The classical model of internal ethno-national conflict has been demonstrated on the example of the Donetsk and Lugansk regions of Ukraine. Ethno-national groups (Russian speakers) of these regions received the implicit ideological, military and economic aid from the Russian Federation and entered into a military conflict with the Ukrainian troops. As a result of hostilities, these ethno-national groups, depending on military support of Russia, were able to consolidate and extend there authority over certain areas. As a result, there were formed unrecognized political and territorial entities on the territory of Ukraine. The process of “freezing” of the conflict was marked by the signing of certain international legal agreements [25].

Conclusion

In the result of the research of the phenomenon of “frozen conflicts” in this article, we may come to certain conclusions:

1. “Frozen conflict” is the effective instrument of foreign policy.
2. The foreign policy tool of the “frozen conflicts” is interconnected with foreign policy tool of incitement of internal conflicts. This is caused by the limited ability to use direct aggression in the modern system of international relations. As a result, centers of power are actively using mechanisms of incitement of internal conflicts to spread their influence and implement their foreign policy objectives. Subsequently, these internal conflicts may be “frozen” to meet the interests of interested participants of system of international relations.
3. The process of “freezing” is held with the involvement of third parties who are interested in this. Such participation may be explicit and implicit
4. The ambiguity and lack of codification of certain institutes of international law makes it possible to use these mechanisms.

References:

1. Edmond J. Keller 'Decolonization 1995, Independence and the Failure of Politics': 156–171, available at: URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/keller/papers/SelectedPub/decolonization.PDF> (accessed 05 November 2015).
2. Charter of The United Nations, Article 1 The Purposes of the United Nations, available at: URL: <http://www.un.org/en/documents/charter/chapter1.shtml> (accessed 05 November 2015).
3. International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted by the General Assembly of the United Nations on 19 December 1966, available at: URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20999/volume-999-I-14668-English.pdf>
4. The Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations, available at: URL: <http://www.un-documents.net/a25r2625.htm> (accessed 05 November 2015).
5. Helsinki Final Act 1975, available at: URL: <http://www.osce.org/mc/39501> (accessed 05 November 2015).
6. Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe 'The Cold War 1945–1989; 2015, available at: URL: http://www.cvce.eu/content/publication/2011/11/21/6dfe06ed-4790-48a4-8968-855e90593185/publishable_en.pdf (accessed 05 November 2015).
7. Rey Koslowski and Friedrich V. Kratochwi 1994 'Understanding change in international politics: the Soviet empire's demise and the international system' *International Organization*, Vol. 48, No. 2: 215–247, available at: URL: <http://www3.nccu.edu.tw/~lorenzo/Koslowski%20Soviet%20Demise.pdf> (accessed 05 November 2015).
8. Rutland Peter 'The Russian Revolution of 1991 and The Dissolution of the USSR' available at: URL: <http://prutland.web.wesleyan.edu/Documents/defronzoED.pdf> (accessed 29 May 2015).
9. Дурсунов Раміль 2014 'Міжнародно-правове визнання держав (проблеми теорії та практики)' Харків, Р. 153–154.
10. Dunaway Wilma A. 2003 'Ethnic Conflict in the Modern World-System, *Journal of World-Systems Research* IX: 3–34, available at: URL: <http://jwsr.ucr.edu> (accessed 05 November 2015).
11. Dunaway Wilma A. 2003 'Ethnic Conflict in the Modern World-System', *Journal of World-Systems Research* IX: 3–34, available at: URL: <http://jwsr.ucr.edu> (accessed 05 November 2015).
12. Рябцев В. Н. 2009 Влияние международных факторов на исход «замороженных» сепсессионистских конфликтов (на материале Балкан, Причерноморья и Южного Кавказа)', *Научные ведомости Белгородского государственного университета* № 7:236–244, available at: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-mezhdunarodnyh-faktorov-na-ishod-zamorozhennyh-setsessionistskih-konfliktov-na-materiale-balkan-prichernomorya-i-yuzhnogo#ixzz3WI1WvPs> (accessed 05 November 2015).
13. OSCE Conflict prevention and resolution, available at: URL: <http://www.osce.org/what/conflict-prevention> (accessed 05 November 2015).
14. Rutland Peter 'Frozen Conflicts, Frozen Analysis', available at: URL: http://prutland.w.b.wesleyan.edu/Documents/Frozen_conflicts.pdf (accessed 29 May 2015).
15. Большаков А. Г. 2008 «Замороженные конфликты» постсоветского пространства: тупики международного миротворчества', *Полития* № 47: 27–37, available at: URL: http://www.politeia.ru/content/pdf/Politeia_Bolshakov-2008-1.pdf (accessed 05 November 2015).
16. Fregoso Carolina Chavez, Zivkovic Nicola 2012 'Westren Sahara: A Frozen Conflict', *Journal of Regional Security* 7:2: 139–150, available at: URL: http://www.academia.edu/14382423/Cahvez-Fregoso_Carolina_and_%C5%BDivkovi%C4%87_Nikola._Western_Sahara_A_Frozen_Conflict._Journal_of_Regional_Security_7_2_2012_139-150 (accessed 05 November 2015).

17. Morar Filon 2010 The Myth of “Frozen Conflicts” Transcending Illusive Dillemas, Per Concordian: Journal of European Security and Defense Issues Volume 1 Number 2:10–18, available at: URL: http://www.marshallcenter.org/mcpublicweb/MCDocs/files/College/F_Publications/perConcordiam/pC_V1N2_en.pdf (accessed 05 November 2015).
18. Kandel Pavel 2012 “Frozen” regional conflicts in Europe’, News of of the Euro-Atlantic Council of Slovenia: Conference Materials Volume XI No.2: 5–6, available at: URL: http://www.euroatlantic.org/wp-content/uploads/2013/07/EACS-september-2012_2.pdf (accessed 05 November 2015).
19. Felician Stefano 2011 ‘North and South Korea: A Frozen Conflict on the Verge of Unfreezing?’, Istituto Affari Internazionali Working Papers 11 |24: 2–13, available at: URL: <http://pubblicazioni.iai.it/pdf/DocIAI/iaiw1124.pdf> (accessed 05 November 2015).
20. Mir Mushtaq Ahmad 2014 India – Pakistan; the History of Unsolved Conflicts’,. Journal Of Humanities And Social Science (IOSR-JHSS) Volume 19 Issue 4: 101–110, available at: URL: <http://iosrjournals.org/iosr-jhss/papers/Vol19-issue4/Version-2/O01942101110.pdf> (accessed 05 November 2015).
21. Tisdall Simon 2010, ‘This Dangerous World of Self-Intersted Nations’, The Guardian, 22 September, available at: URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2010/sep/22/frozen-conflict-spreads-across-globe> (accessed 05 November 2015).
22. Хрусталеv М. А. 1984, Основы теории внешней политики государства: Учебное пособие, Москва, С. 29.
23. Kosovo Declaration of Independence, available at: URL: <http://www.assembly-kosova.org/?cid=2,128,1635> (accessed 05 November 2015).
24. Декларация о независимости Автономной Республики Крым и г. Севастополя, available at: URL: <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/2014nezavisimost.htm> (accessed 05 November 2015).
25. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений, available at: URL: <http://www.osce.org/ru/cio/140221?download=true> (accessed 05 November 2015).
26. The Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations, available at: URL: <http://www.un-documents.net/a25r2625.htm> (accessed 05 November 2015).

*Zymenkova Violetta,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
PhD student, Institute of International Relations, Ukraine
E-mail: v.zymenkova@gmail.com*

The U. S., China, and Russia in Central Asia

Abstract: This article will examine the geopolitical environment in Central Asia and provide an overview of the interests and objectives of the most significant actors present in the region: the U. S., China and Russia. It will also look through the recent developments and the changing degrees of influence of each actor.

Keywords: Central Asia, Heartland Theory, The United States, Russia, China, New Silk Road.

The demise of the USSR in 1991 led to dramatic changes in the global strategic environment and had a major impact on the formation of a new system of international relations in the world as a whole and in different regions particularly. One of

these regions is Central Asia, which comprises five newly independent states: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. Region is geostrategically important for its location at the intersection of communication lines and large depos-

its of natural resources. Post-Soviet space of Central Asia became an arena of struggle of such influential states in world politics as the United States, Russia and China.

In a 1990 document for National Security Strategy, the first Bush administration noted that 'for most of the century, the United States has deemed it a vital interest to prevent any power or group of powers from dominating the Eurasian landmass' [1]. This statement is closely aligned to the geopolitical paradigm of Halford Mackinder's 'Heartland Theory', which states that the power that controls Central Asia — the great pivot — would eventually emerge as the most powerful state in international politics. The basic premise of the theory is as follows: 'Who rules East Europe commands the Heartland; Who rules the Heartland commands the World-Island; Who rules the World-Island commands the World' [2].

The U.S. was one of the first states to realize the importance of Central Asia and establish diplomatic relations with the new states. The main U.S. concern in the region in the early 1990s was nuclear weapons on the territory of Kazakhstan, capable to become the 'Islamic nuclear bomb'. In this regard, the primary objective was to get rid of the Soviet nuclear legacy in Kazakhstan through its joining the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, which was successfully achieved in 1993 [3]. Another key aspect of U.S. policy in that time was to find ways to strengthen the statehood and independence of the Central Asian countries.

But by the mid-1990s the Clinton administration, recognizing the 'oil importance' of the Caspian Sea basin, began to actively promote the penetration of American companies in the post-Soviet republics and tried to break up Russia's monopoly over the pipelines and transit routes for Central Asian oil and gas [4]. Washington quickly turned into a powerful geopolitical player in the region. Though, the U.S. has always stated that it is seeking not for dominance in the region, but for the establishment of the regime of free access to energy resources. In other words, the ideal situation for the United States is a kind of a 'free trade federation' or 'common market' in Central Asia and the Caspian region, dominated by multinational oil and gas corporations and with the Americans setting the rules of the game.

At the same time, the main component of the Clinton administration's strategy was an active opposition to possible integration of CIS countries around Russia. The United States pursued its traditional main geopolitical goal — to avoid recreating of a superpower or a strong union of states that could compete with the U.S. on the world stage.

However, by the end of the last century, Central Asian problems were not of a high priority for the United States. The turning point came after September 11, 2001, when U.S. announced Global War on Terrorism and launched the Operation Enduring Freedom on 7 October 2001 [5]. U.S. opened military bases in Central Asia: 'Khanabad' in Uzbekistan and 'Manas' — in Kyrgyzstan. The U.S. Air Force also received the right to use the airports for transit purposes in Tajikistan (Dushanbe, Kurgan-Tyube) and Kazakhstan (Meadow) [6]. The U.S. military presence appeared in the region associated with the deployment of U.S. troops in Afghanistan and Pakistan.

A new look at the role of Central Asia was assigned to the U.S. National Security Strategy 2002: Eurasia and the Middle East have been announced in its priority regions in terms of the national interests of the United States. That means that military and security considerations became more important factors in U.S. engagement in Central Asia. The document stated that there are 'challenges and opportunities' in Central Asia for America in the new century. The former include transnational terrorism, radicalization of Islam and drug trafficking. The second — the presence of large hydrocarbon reserves and the ability to limit Chinese influence [7]. At the turn of 2001–2002 American experts talked about the fact that for the first time in the history America has become a 'Eurasian power' [8].

In the current decade there are three important objectives in Central Asia for the U.S.: strengthening partnerships to advance mutual security, forging closer economic ties, and advancing and advocating for improved governance and human rights.

In 2011 U.S. Secretary of State Hillary Clinton presented the new plan, called the New Silk Road Initiative [9]. The initiative is designed to maintain regional security by linking Central and South Asian countries through trade and economic integration

after the withdrawal of troops from Afghanistan. There are ambitious projects within the framework of the New Silk Road, such as electricity transmission and trade project CASA-1000, which stands as one of America's foremost efforts at regional integration, and the TAPI gas pipeline. They are expected to be operational by 2018 and 2019 respectively [10; 11]. U.S. has achieved progress in the spheres of trade and transport, customs and border operations, but still there's a long way to go.

China has been increasingly active in Central Asia since the collapse of the Soviet Union. Like the U.S. China has both commercial and strategic interests in Central Asia.

Beijing sees the region as fragile, with significant potential for instability, and fears that instability in Central Asia could destabilize China's west. The threat to China's security lies in the Uighur ethnic group, living in the Chinese largest administrative region Xinjiang and bordering Central Asian states. Since the 1990s acts of protest and violence by Uighur militants have raised the most serious specter of ethnic dissent and terrorism for Beijing [12]. Fighting the instability coming from the Uighur Diaspora and Islamic radicalism has been the main focus for China in the first decade of 2000s.

In addition, as U.S. troops prepare to withdraw from Afghanistan, Washington is looking for stable governments in the region to share the burden of trying to contain terrorist groups. If China wants to play that role to advance its regional ambitions, the United States would welcome these efforts. 'We welcome China's engagement in Afghanistan and Pakistan, which we see not as competitive but complementary to our own efforts,' Dan Feldman, the U.S. special representative for Afghanistan and Pakistan, told an audience in Washington in 2015 [13]. In this regard, U.S. and China are aligned in the desire to limit the spread of militant Islam.

Chinese security activities are channeled through the Shanghai Cooperation Organization (SCO), which includes 4 Central Asian states, China and Russia as members, and was established in 2001 on the basis of the 'Shanghai Five'. Though it's not a military or security alliance, it's main objective is to combat terrorism and ethnic separatism. Chinese understand that they can't rely fully on Rus-

sia to maintain security in the region. In this view, it's likely that they would militarily intervene in the region to secure their investments or work together with the U.S.

Nevertheless, the major interests of China in the region are economic and predominantly to ensuring access to oil and gas supplies. China explored the region as a crucial source of energy. Beijing has skillfully used economic instruments — a foreign aid, investments and loans — with each of its Central Asian neighbors. In 2009, it signed loans-for-energy packages with energy-rich Kazakhstan and Turkmenistan [14]. These loans secured supplies of oil and gas or equity in local producers. Beijing has also undertaken major new oil and gas pipelines to take the Central Asian energy eastward.

Central Asia is projected to supply 20 percent of China's gas consumption, and this share is expected to grow as China continues to expand its pipeline network in the region [15].

In the first decade of the 21st century, bilateral trade — primarily in the form of Chinese imports of energy and exports of consumer goods and finished products — witnessed extraordinary growth, totalling over \$40 billion in 2014 [16]. China overtook Russia to become Central Asia's leading trade partner.

It should be noted, that the Chinese leader Xi Jinping during his visit to Central Asia and South-east Asia in September and October 2013, unveiled the initiative of jointly building the Silk Road Economic Belt — a nearly \$46-billion infrastructure project — and the 21st-Century Maritime Silk Road, called together as One Belt, One Road [17]. This is an ambitious Chinese initiative that proposes to enhance interconnectivity and economic cooperation across the Eurasian continent by building an extensive infrastructure network. This initiative promises much investment in the region, unlike the U.S. project, which is not ready to give much financial support in the region. In the poor countries of Kyrgyzstan and Tajikistan, Beijing has become a major investor and development assistance provider, focusing on power generation, transmission, and transport, including roads and railways.

Neighboring powers such as India and Russia are alarmed at Beijing's growing presence in the region.

At the same time for U. S. officials, China's Silk Road ambitions can contribute to those of the U. S. and help improving cross-border links by developing infrastructure. The Chinese leaders remain in some way conspicuous about such Washington's statements, as for the last two decades they had the impression that the U. S. is seeking to contain China from the influence in the region.

However, since the beginning of the century China's economic, diplomatic and military influence in the Central Asia has increased dramatically. Over the last decade, China has emerged as the leading economic power in Central Asia. China has become a key actor in the region and an important partner for regional states. At present China appears the most powerful geopolitical player in Central Asia, mainly in the economic and energy fields. Although Russia remains an important player, its monopoly on trade and access to markets were affected by Beijing, as well as Russia's ability to set the rules in Central Asia was broken.

After the Soviet Union dissolved, Russia took little interest in Central Asia and concentrated on its internal issues, while the leaders of the 5 Central Asian states had to look for their own ways to overcome the inner crisis and build their sovereign states. Russia started to reevaluate the significance of the region in the mid-1990's. As Vladimir Putin took office in 2000, he has placed significant emphasis on 'Russia's Near Abroad' which includes Eastern and Southern Europe as well as Central Asia, and started to regain influence in the region. The Kremlin sees the post-2001 role of the U. S. in Tajikistan and Kyrgyzstan especially, as inimical to Russian interests.

Russia is trying to reintegrate the former Soviet states, find new trading partners in the face of EU and U. S. sanctions and get a foothold in Central Asia through economic and geopolitical association — the Eurasian Economic Union (EEU), established in 2014 on the basis of the Customs Union. The EEU now includes Russia, Armenia, Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan [18]. The other Central Asian states showed little interest in joining the EEU. Since the Union Member States still don't feel any benefits of membership, there's a fear that EEU doesn't perform its functions as well as the Customs Union didn't. It is noted that the volume of trade between

the Member States and Russia even declined in 2015.

Central Asian states understand that Russian financial of military assistance comes at a high price: increased dependence on Russia and the inadmissibility of having close ties with other regional players. Moscow has tried to prevent the Central Asian governments from signing pipeline deals that moved gas or oil without going through Russia. Also the Kremlin has pressed on the regional leaders to align with Russian position even if it's unacceptable for them. Russia has closed its borders and introduced more stringent visa regulations for migrants, creating an economic problem for Central Asian countries that are remittance-dependent [19]. Russia hopes that such pressure will compel the Central Asian states to join the EEU, as the citizens of any member state are allowed to work in any country in the union without a work permit.

The Central Asian states have demonstrated a greater willingness to reject demands of Russia. Thus, in 2012 Uzbekistan withdrew from the Russian-led Collective Security Treaty Organization [20], giving Russia no longer access to the air base.

It should be noted that U. S.-Russian relations got worse during Obama administration, mainly in view of the Russian military intervention in Ukraine and Syria. As the West has imposed sanctions on Russian individuals and businesses [21], it has affected the economic situation in Russia together with the collapse of the Russian ruble, which has fallen nearly 100 percent against the dollar in the past year. Given the inner economic problems, Russia probably will not continue to be able to financially support many Central Asian states. The weak Russian economy forces Central Asian states to look for a more stable partner — in particular, China. Though the growing Chinese influence in the region represents a great geopolitical concern to Russia, in view of the Western sanctions, Russia itself is looking for closer ties with China, which could affect it's ability to dictate its rules in Central Asia.

However, Russia has always been a significant partner for Central Asia in security. Russia's largest external military presence is still in Tajikistan. The key driver for the Russian military presence in the region is the threat of Islamist terrorism, instability and

drugs traffic spreading from Afghanistan. Though it's clear that the true goal of Russia is to assert its influence over the region. But even in the security sphere, prospects for Russia to keep its leadership in the region do not look optimistic. Undoubtedly, the conflicts in the Eastern Ukraine and Syria is a heavy burden for Russia, leaving Moscow fewer resources to address security issues in Central Asia.

From a political point of view, even if the crisis in Ukraine is solved, Russia is unlikely to be an attractive partner for Central Asian neighbors that fear Russia's territorial claims, military nationalism and oppressive approaches to weaker states. Even Russia's allies and members of the EEU are concerned that friendship with Russia may be dangerous and try to show more independence in their decisions. Therefore, it is likely that the Central Asian countries will look elsewhere to help balance its northern neighbor.

In addition, there may be several states in the region that want to see the U.S. as a balancer against Russian and Chinese influence. Since the volume of Central Asian-Chinese trade has unprecedentedly grown and the regional markets were invaded

by Chinese goods, regional states fear the 'Chinese expansionism' as it can damage the national production.

At the same time, less powerful states — India, Turkey, Pakistan and Iran — have some ambitions in Central Asia and are eager to increase their influence in the region. They see an opportunity for this after the U. S. and NATO withdrawal from Afghanistan. According to the Stratfor's article 'Central Asia: A Different Kind of Threat', Turkey is likely to become an important actor in the region in the next 25 years together with China [22].

It's not clear what role would the U. S. play after the withdrawal of troops, but probably in the security sphere Washington would stay focused on countering Islamic militant groups. It would be mutually interesting for U. S. and China to work together in spheres where they have common interests. With American expertise and China's investments it could turn into an effective partnership within the New Silk Road initiatives and developments in security sphere. It's likely that the U. S. would try to restrain Russia's influence in Central Asia and focus on closer ties with China in the region.

References:

1. Colin S. Gray, "Back to the Future: Russia and the Balance of Power," *Global Affairs*, Vol. 8, No. 3, Summer 1992, P. 46.
2. Halford Mackinder, *Democratic Ideals and Reality* (New York: H. Holt and Co., 1919/1962), P. 150.
3. Nuclear Nonproliferation & Security. Embassy of the Republic of Kazakhstan. URL: <http://www.kazakhembus.com/content/nuclear-nonproliferation-security>
4. Mac-Dougall James. A new stage in U. S.-Caspian sea basin relations. 'Central Asia' No. 5 (11) 1997 URL: http://www.ca-c.org/dataeng/st_04_dougall.shtml
5. Operation Enduring Freedom Fast Facts. CNN Library. URL: <http://edition.cnn.com/2013/10/28/world/operation-enduring-freedom-fast-facts>
6. Olga Olikier, David A. Shlapak. U. S. Interests in Central Asia: Policy Priorities and Military Roles. RAND Corporation. 2005. P. 39–43.
7. The National Security Strategy of the United States of America – September 2002 URL: <http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf>
8. Zbigniew Brzezinski. A Geostategy for Eurasia. *Foreign Affairs*. September/October 1997 Issue.
9. Joshua Kucera November 11, 2011 The New Silk Road? *The Diplomat*. URL: <http://thediplomat.com/2011/11/the-new-silk-road>
10. The express tribune Pakistan casa-1000 power project: Pakistan may import up to 4,000MW, says Aziz By Tahir Khan Published: October 13, 2014 <http://tribune.com.pk/story/774529/casa-1000-power-project-pakistan-may-import-up-to-4000mw-says-aziz>
11. Tajveez news Pakistan to talk to Afghan Taliban for TAPI security Dec 11, 2015 URL: <http://tajveez.net/2015/12/11/pakistan-to-talk-to-afghan-taliban-for-tapi-security>

12. Why is there tension between China and the Uighurs? 26 September 2014 BBC URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-china-26414014>
13. Successes and Challenges in Afghanistan and Pakistan. US Department of State. Remarks Dan Feldman Special Representative for Afghanistan and Pakistan United States Institute of Peace Washington, DC August 5, 2015 URL: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2015/245767.htm>
14. The New Great Game in Central Asia Geopolitics in a Post-Western World By Alexander Cooley. Foreign Affairs. August 7, 2012. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/central-asia/2012-08-07/new-great-game-central-asia>
15. Alexander Cooley, "China's Changing Role in Central Asia and Implications for US Policy: From Trading Partner to Collective Goods Provider" (prepared remarks for "Looking West: China and Central Asia," U.S.-China Economic and Security Review Commission, March 18, 2015), http://www.uscc.gov/sites/default/files/Cooley%20Testimony_3.18.15.pdf.
16. Putin's Ploys in Central Asia And His Weakening Influence in the Region By Edward Lemon and Joe Schottenfeld. Foreign Affairs. January 14, 2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-01-14/putins-ploys-central-asia>
17. Anthony Kuhn, "China Promises \$46 Billion to Pave the Way for a Brand New Silk Road," NPR, March 3, 2015, <http://www.npr.org/sections/goatsandsoda/2015/05/03/401980467/china-promises-46-billion-to-pave-the-way-for-a-brand-new-silk-road>.
18. Eurasian Economic Union official website. URL: <http://www.eaeunion.org/?lang=en>
19. One-Way Ticket to Dushanbe: Russia Sees Exodus of Migrant Workers (Video) By Gabrielle Tétrault-Farber Feb. 05 2015. The Moscow Times. URL: <http://www.themoscowtimes.com/news/article/one-way-ticket-to-dushanbe-russia-sees-exodus-of-migrant-workers-video/515512.html>
20. James Kilner, Almaty Uzbekistan withdraws from Russia-lead military alliance. The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/uzbekistan/9369392/Uzbekistan-withdraws-from-Russia-lead-military-alliance.html>
21. Ukraine crisis: Russia and sanctions 19 December 2014. BBC news. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-26672800>
22. Central Asia: A Different Kind of Threat. January 1, 2016. Stratfor. URL: <https://www.stratfor.com/sample/analysis/central-asia-different-kind-threat>

Section 3. Political institutes, processes and technologies

*Krysenko Oleksiy,
V.N. Karazin Kharkiv National University,
Associate professor, PhD, Department of Political Science
E-mail: socio.khakov@gmail.com*

*Klipkova Hanna,
V.N. Karazin Kharkiv National University,
PhD student, Department of Political Science
E-mail: mir.kharkov@gmail.com*

Institution building in the postsoviet states in terms of inverse political transformations analysis

Abstract: The problems of state institute capacity are examined in the article. The reasons of state development inverse during democratization are defined.

Keywords: state capacity, state institutes, corruption, democratization, neopatrimonialism, post-soviet state.

*Крысенко Алексей
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
доцент, кандидат политических наук
кафедра политологии
E-mail: socio.khakov@gmail.com*

*Клипкова Анна
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
аспирант кафедры политологии
E-mail: mir.kharkov@gmail.com*

Институциональное строительство в постсоветских государствах в плоскости исследования инверсионных политических трансформаций

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы дееспособности государственных институтов в постсоветском регионе. Определяются причины инверсий траекторий государственного строительства при попытке демократического перехода.

Ключевые слова: дееспособность государства, государственные институты, коррупция, демократизация, неопатримониализм, постсоветское государство.

Оранжевая революция 2004 г. и Революция достоинства 2013–2014 гг. засвидетельствовали, что институциональное строительство украинского государства остается главной зоной риска общественно-политического развития страны. 25 лет государственного строительства

продемонстрировали неспособность правящего класса осуществлять государственнические стратегии построения демократического общества. Отсутствие зрелых и легитимных институтов циркуляции элит, институциональные дисбалансы в системе государственной власти, автономность «силовых акторов» и отсутствие развитой партийной системы приводят к структурным дефектам в системе политического управления страной и обуславливают инверсии ее политической трансформации. Деформация принципа верховенства права привела к олигополии на «рынке демократии», а общественное развитие, даже после Революции достоинства, подчиняется интересам олигархических групп. В конечном счете страна лишается шанса европейского будущего, ведь достижение высоких стандартов политического развития является невозможным без институционально развитой государственной архитектуры.

Главными препятствиями на пути развития эффективной институциональной инфраструктуры Украины является влияние и автономное развитие ключевых, на наш взгляд, на отечественном политическом рынке неформальных институтов: патронат и клиента, партийные субституты и коррупция. Представительство интересов (политических, экономических, социальных и т. д.), которое реализуется посредством представительской модели власти в западной политико-правовой традиции, не совпадает с моделью реализации интересов, которая достигается при помощи институтов протектирования в незападной, постсоветской политической традиции. Постсоветские политические примеры, когда частное политическое протектирование используется «бизнес-клиентами» для уклонения от налогообложения, для перераспределения финансовых потоков и нейтрализации фискальной политики правительства, демонстрируют второстепенность представительских механизмов власти и исключительную жизнеспособность неформальных институтов и практик власти [1].

Несмотря на то, что существует широкий спектр типологизаций постсоветских политических режимов, все они подпадают под одну общую категорию — неопатримониальные режимы. Важной характеристикой их является то,

что они не развиваются, а дрейфуют в неопределенном направлении — вслед за интересами олигархата. Политические лидеры, как правило, не выстраивают определенную схему развития на будущее, не начинают серьезных коренных реформ, а граждане, в свою очередь, не ждут для себя никаких позитивных изменений (за исключением бурных всплесков общественных ожиданий в периоды цветных революций, которые утихают в очень короткие сроки).

Предлагаем сфокусироваться не на изменениях в экономике, обществе или политических режимах, а на государственной институциональной системе стран постсоветского пространства. Как политическая система постсоветское государство представляет собой определенный набор формальных и неформальных институтов, которыми очень легко манипулировать олигархическим структурам. В 90-е годы прошлого столетия эти институты были построены или скорректированы последними с целью контролирования приватизации, а потом и всей жизни государства. Эти институты можно условно поделить на три группы по их происхождению:

- 1) советское институциональное наследие:
 - формальные институты: система трудовых отношений, пенсионная система, система здравоохранения, образовательная система;
 - неформальные институты: патерналистские ориентации по отношению к государству, ее руководителям и отдельным учреждениям, теневая экономика;
- 2) новые рыночные институты, в основном формальные: частная собственность, денежные и товарные рынки, финансовая система;
- 3) новые квазирыночные институты, в основном неформальные, которые отражают процессы адаптации экономических агентов к неудобным институциональным изменениям: бартер, уклонение от уплаты налогов, двойная бухгалтерия и т. д.

Таким образом, в институциональном ракурсе постсоветское государство представляет собой специфическое соединение двух систем — советской и либерально-западной. Коммунистически-авторитарное наследие командно-административной системы государственного контроля так

и осталось полуразрушенным, а новые модели свободной экономики и государственного администрирования наложились сегментировано и создали демократию имитационного типа.

Х. Линц спецификой постсоветских государственных трансформаций считает то, что, в отличие от латиноамериканских трансформаций, в этом регионе возникла проблема не столько государственного строительства, сколько разгосударствления, снятия нагрузки перегруженного государственного аппарата и чрезмерно регламентированных общества и экономики [2].

В основе постсоветского государства лежит его неопатримониальная сущность, которая заключается в формировании класса рентоориентированных предпринимателей, в слиянии власти и собственности, в использовании в частных интересах функций государства и доминировании патронажно-клиентарных сетей в структурировании политического рынка [3].

Постсоветское пространство является примером так называемого «плохого управления» (bad governance), но в то же время отдельные государства этой группы демонстрируют разнообразные вариации этого явления в определенные моменты новейшей истории и в определенных сферах управления. В целом же «хорошее управление» (good governance), согласно с подходом Всемирного Банка (Worldwide Governance Indicators, 2016), должно соответствовать следующим требованиям:

- избирательность и подотчетность власти;
- политическая стабильность и неприменение насилия;
- эффективность правления;
- качество регулирования;
- верховенство права;
- контроль коррупции.

Соответственно, признаками «плохого управления» являются противоположные явления: отсутствие верховенства права или искажение его принципов, высокий уровень коррупции, низкое качество регулирования и неэффективность правительства. Это признаки неэффективного государственного управления. К ним добавляются признаки недемократических политических режимов — отсутствие избирательности

и подотчетности власти, а также политическая нестабильность и насилие.

Признаком постсоветских государственных институтов является их ориентированность на извлечение ренты как на главную цель управления государством на всех уровнях. Кроме того, механизм власти и управления тяготеет к иерархии с единым центром принятия решений и стремлением к полной монополизации. Автономия экономических и политических акторов внутри страны относительно центра является условной и может быть изменена или ограничена в любой момент и в любом порядке. Формальные институты, которые задают рамки осуществления власти и управления, по своей сути являются лишь побочным продуктом распределения ресурсов внутри властной вертикали. Они являются правилами игры лишь настолько, насколько способствуют или не мешают извлечению ренты. Сам же аппарат управления в рамках властной вертикали разделен на конкурирующие за доступ к ренте организованные структуры и неформальные группы [4].

Когда сегодня эту группу государств называют постсоветскими, речь идет уже не об определенном переходном состоянии, а об относительно устойчивой институциональной системе, которая сформировалась за последние двадцать лет. В некоторых случаях существуют дестабилизирующие тенденции — сепаратизм, слабая законодательная база, обвинения в авторитаризме со стороны мирового сообщества, и вообще некоторые государства близки к статусу «failed states» (если это еще не «failed states», то, по крайней мере, уже «failing states»), но пришло время признать, что это уже не переходный этап — государства уже состоялись, их элиты сформировались.

Феномен постсоветского государства представляет собой устойчивое, хоть и не эффективное равновесие, которое нарушается довольно редко. Постсоветские страны с их циклами смен режимов, включая революции в Украине и Киргизстане, демонстрируют устойчивость плохого управления, которое со временем начинает самовоспроизводиться. Что касается аппарата государственного управления, он становится практически неспособным к реализации структурных

реформ, которые были бы направлены на повышение эффективности правительства [4; 9].

Теоретики государства склонны к игнорированию драматических преобразований, которые переживает посткоммунистическое государство, и на то, какие вызовы эти преобразования ставят перед существующей теорией государства. Но существует множество прямых связей между процессами государственного строительства и изменениями в политической, экономической и гражданской сферах [5]. Большинство исследователей сошлись на том, что все постсоветские государства ощущают острую недостаточность государственной мощи. Произошел радикальный пересмотр ключевых государственных агентов, свернулось влияние административной системы, институциональная инфраструктура государства кардинально ухудшилась. Но до сих пор не сформулирован единый подход относительно понимания всей совокупности процессов государственного строительства после распада СССР.

Х. Линц и А. Степан считают, что проблемы с установлением демократического режима связаны с феноменом слабости государства: «Нет государства, нет демократии» [2]. В слабых государствах существенным образом ограничены возможности государства по применению силовых методов принуждения (*administrative capacity*), потому что конкуренты государства нарушают государственную монополию на применение легитимного насилия. Кроме того, слабые государства не обеспечивают верховенство права (*Rule of Law*). Вместо этого в неопатримониальном обществе право служит инструментом извлечения ренты и устранения конкурентов. Вместо управления на основе права осуществляется управление при помощи права (*Rule by Law*) [3].

В постсоветских государствах на протяжении новейшей истории, после обретения независимости происходит «захват государства» (*state capture*) со стороны искателей ренты внутри государственного аппарата и со стороны связанных с ним влиятельных представителей крупного капитала. В процессе управления страной они стремятся к приватизации прибылей и к перекачиванию издержек на общество. Таким образом,

рентоориентированные акторы целенаправленно создают и поддерживают социально неэффективные правила игры. Поскольку срок их полномочий ограничен условиями жёсткой конкуренции с другими претендентами на захват государства, а также институциональными рамками формальной избирательной модели, они выбирают стратегию «кочевых», а не «стационарных бандитов» (в терминах Манкура Олсона). В результате механизмы «плохого управления» воспроизводятся во времена разных руководителей, и попытки его преодоления наталкиваются на сильное сопротивление.

Реальной целью политических режимов и их элит на постсоветском пространстве является обеспечение консервации результатов индустриально-инфраструктурной приватизации 1990-х годов и распределение собственности, установленного ей. Также постсоветские режимы призваны обеспечить основным бенефициарам возможность продать активы за реальную рыночную стоимость международным корпорациям и легализовать полученные средства за границей, в странах Запада.

Неоднократно звучали обвинения в сторону западных консультантов постсоветских реформ, которым в вину ставили требования радикального отказа от государственного регулирования. Но ситуация была противоположной — они требовали более фундаментальной институциональной базы, чем та, на основе которой осуществлялись реформы, то есть обеспечение нормальной работы таких экономических институтов, как банки, биржи, налоговые службы, ценовые, кредитные, вексельные механизмы и т. д., а также обеспечения чёткой работы правовой базы [6]. Эти условия были необходимы именно для защиты общества от оппортунистического поведения новых руководителей и экономической элиты.

Было бы неверно объяснять все изменения исключительно волей политических элит. Принято считать, что новая элита опиралась на либеральные основания и стремилась воплотить их в политическую реальность. Но корректнее и целесообразнее было бы охарактеризовать элиты постсоветских государств не с позиции идеологических убеждений, а по оценке их реальных

интересов, или, точнее, их предпочтений [7]. Полностью очевидно, что они стремились к собственному обогащению и максимизации своей прибыли.

Государственные структуры являются исторически случайными институциональными конструкциями. Институциональная структура коммунистического государства была набором крупных мощных административных структур, но они не могут быть легко перенаправлены на новые задачи. Громоздкая советская полицейская машина (милиция, прокуратура, суды, военизированная фискальная служба), из-за своей инерционности, не может легко, после перестройки, превратиться в институт защиты прав собственности и контроля над соблюдением правил конкуренции на свободном рынке. Изменение общественного строя не может гарантировать, что советская способность предоставить определённый уровень благосостояния каждому советскому гражданину быстро и легко превратится в способность новосозданных государств отвечать на вызовы посткоммунистической экономики и общественного развития.

Для адекватного исследования процессов государственного строительства на постсоветском пространстве необходим подход, который максимально учитывает контекст, особенности среды. Он должен чётко обозначить специфику посткоммунизма и одновременно вписать эти превращения в широкую историко-сравнительную перспективу [7]. Вместо этого постсоветский дискурс политических трансформаций сформировался на двух основных принципах — отказ от марксизма-ленинизма и курс на строительство новой основополагающей теории на основе первой попавшейся теории из круга западной политической науки. Всё это антисоветское политическое теоретизирование просто провозглашало отсталость и порочность постсоветской действительности, но не предлагало никакой позитивной повестки. В последние годы появилось другое направление, которое является полной противоположностью вышеописанному — оно основано на идее совершенства российского и ориентированного на Россию пути развития. Речь идёт об избранности России, её безусловной правоте

и мессианстве. Это раскалывает постсоветское пространство на две враждебные друг другу модели, и политический дискурс превращается в площадку отстаивания той или иной позиции, что также делает его непродуктивным. В постсоветских обществах разворачивается настоящая борьба вокруг вопроса, чьей периферией должно стать общество, вместо того, чтобы искать пути к центру мир-системы или, по крайней мере, полупериферии. А в это время разрушаются остатки государственных институтов, инверсионным способом двигаясь в направлении становления и воспроизводства неопатримониальных структур общества и политического контроля.

Государствообразующими (statelike) свойствами, согласно с формулами М. Вебера и Ч. Тилли, являются:

1. наличие административного и правового порядка, который изменяется и осуществляется на основе законов;
2. претензии на принудительную власть не только над своими гражданами, но и над действиями, которые имеют место на подконтрольной государству территории;
3. право на применение легитимного насилия;
4. принудительная юрисдикция и непрерывная организация;
5. обособленность от других организаций, который действуют на территории государственного образования;
6. независимость;
7. формальная согласованность государственных подразделений между собой.

При отсутствии перечисленных свойств, правительство, даже избранное демократическим путём, не в состоянии эффективно осуществлять свои претензии на монополию легитимного использования насилия, осуществлять налогообложение и поддерживать судопроизводство. Отсутствие организации со свойствами современного государства исключают возможность демократического управления государством, хотя не исключают существования зон сегментированной политической власти [2]. То есть демократия требует государственного статуса, государственных институтов её воплощения. Именно критическое

отсутствие данных институтов (или актуальное наличие проблемы институционального качества этих структур) создают постсоветское государство как феномен.

Инверсионная специфика государственного строительства на постсоветском пространстве характеризуется плохим институциональным качеством государства, что является следствием разгосударствления или “упрощения государства” — борьба за эффективное государство подменяется борьбой с государственной потенциальностью государства. Таким образом, упрощение государства является денституционализацией социального управления и институциональной автономизацией режима “ручного управления” (ярким проявлением таких тенденций являются неформальные институциональные комплексы: “вертикаль власти”, “телефонное право”, персонализация власти). Происходит деинституционализация политической системы, то есть вместо институциональной дифференциации наблюдается обратный процесс, финалом которого является обесценивание качества и автономного состояния публичных институтов. Вследствие разгосударствления коммунистического государственно-политического комплекса государство-партия, вместо формирования институциональной архитектуры “ограниченного государства” произошло установление неопатримониального государственно-политического порядка, неотъемлемыми институциональными особенностями которого являются клиентелизм и патронажные отношения, персонализация власти, которые закрепляют в политической системе правительственный фаворитизм, избирательное правоприменение, своеволие чиновников, nepотизм и государственно-политическую коррупцию [10, С. 6–9].

Изучение определённых институционально-политических аспектов постсоветских государств

выдвигает ряд вызовов для политических наук, которые расширяют горизонты исследований: исследования новых партийных систем, форма политического устройства и многое другое. Что касается анализа политических режимов, то общепризнанные модели демократизации оказываются неполными и неэффективными. Постсоветские реалии получают маркеры вроде “гибридный режим”, “делегативная демократия”, “демократия с прилагательными”, но суть остается в том, что общепринятые представления о демократизации мало чем могут помочь [9, 55].

Итак, постсоветское государство — это феномен нового мира, который воплощает собой инверсионный путь к политической модернизации, либерализации и демократизации посткоммунистического общества. Среди сущностных характеристик такого государства — засилие неформальных институтов, которые прячутся за фасадами формальных, но недееспособных институтов; всесильные и безнаказанные политические элиты, которые стремятся исключительно к самообогащению, тотальная коррумпированность государственной власти; антидемократический характер политического режима, бесправие граждан, отстранение общества от принятия политических решений; утилизация советского наследия и ренто-сырьевой тип экономики. Постсоветское государство — это удивительный сплав советской (вместе с досоветской традиционно-авторитарной моделью, например, постсоветские страны Южного Кавказа и Центральной Азии) и либерально-западной политической модели, в котором западные общественно-политические институты выступают эпифеноменом и существуют преимущественно для общей легитимации, в то время как традиционные общественные институты представляют собой сущностный каркас государства, режимов власти и политического действия.

Список литературы:

1. Крисенко О. В. Вплив неформальних інститутів на український політичний процес // Стратегічні пріоритети. – Київ: НІСД. – 2012. – № 4 (25). – С. 58–62.
2. Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократизация / Х. Линц, А. Степан // Полис. – 1997. – № 5. – С. 9–30.
3. Фисун А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология / Александр Фисун // Отечественные записки. – 2007. – Т. 397 – № 6 (2007). – С. 8–28.

4. Гельман В. Политические основания «недостойного правления» в постсоветской Евразии: наброски к исследовательской повестке дня/Владимир Гельман: Препринт М-49/16 – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. – 34 с.
5. Anna Gryzmala-Busse and Pauline Jones Luong, “Reconceptualizing the State: Lessons from Post-Communism”, *Politics & Society* 30:4 (2002): – P. 529–554.
6. Рывкина Р. В. Постсоветское государство как генератор конфликтов/Р. В. Рывкина//Социологические исследования. – 1999. – № 5. – С. 12–20.
7. Hale H. E. *Why Not Parties in Russia?* Cambridge University Press, 2007. – P. 147–166.
8. Tilly, Charles. *War Making and State Making as Organized Crime*. In *Bringing the State Back In*. Edited by Peter V. Evans, Dietrich Rueschemeyer, and Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, – P. 169–192.
9. Гельман В. Я. Постсоветские политические трансформации: Наброски к теории/В. Я. Гельман//Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 55–69.
10. Крисенко О. В. Проблеми побудови ефективної держави в Україні//Стратегічні пріоритети. – Київ: НІСД. – 2014. – № 1 (30). – С. 6–9.

Section 4. Political culture and ideology

*Heiko Ital,
Hankuk University of Foreign Studies, Ass. Professor
in the German Department of Interpretation and Translation,
E-mail: heikokarlital@hufs.ac.kr*

Ökonomische Imperialismustheorien des 20. Jahrhunderts

This article was supported by Hankuk University of Foreign Studies Research Fund of 2016

Abstrakt: In diesem Artikel werden verschiedene ökonomische Imperialismustheorien des 20. Jahrhunderts aufgezeigt. Die Betrachtung der einzelnen Imperialismustheorien zeigt, dass sich keine umfassende Theorie bilden lässt, da eine Interpretation des Imperialismus immer vom zeitgeschichtlichen Umfeld und der Intention ihres Verfassers abhängig ist.

Stichwörter:: ökonomische Imperialismustheorien, 20. Jahrhundert, Europa, politisches Denken.

Karl Marx

Auch, wenn Karl Marx selbst keine Imperialismustheorie entwickelt hat, so legte er mit seiner Lehre doch den Grundstein für die weiterführenden Theorien von Hilferding, Lenin und Rosa Luxemburg, auf die an anderer Stelle genauer eingegangen werden wird. Bis heute gilt Marx' Werk in weiten Kreisen als Basis für die Erklärung von Imperialismus, sozialer Revolution und internationalem Krieg. Marx sieht die Weltgeschichte als die Geschichte des Klassenkampfes zwischen der herrschenden Klasse und deren Gegnern, aus dem heraus neue wirtschaftliche, politische und soziale Systeme entstehen [1]. Politische Systeme werden von der Klasse kontrolliert, die auch die Wirtschaft beherrscht. Vor der Entstehung des Kapitalismus war Landbesitz die Grundlage für Macht. Mit der industriellen Revolution wurden die herrschenden Landbesitzer von der neuen Klasse der Bourgeoisie aus ihrer Hegemonialstellung verdrängt. Die Bourgeoisie konzentrierte Arbeitskräfte in den Städten, womit nach Marx gleichzeitig der Grundstock für den Niedergang des Kapitalismus gelegt wurde, da diese neu entstandene Arbeiterklasse zwar mit vielen Pflichten, jedoch mit wenig Rechten ausgestattet wurde.

Die besitzende Klasse der Bourgeoisie produziert nichts selbständig sondern lebt von der Arbeitskraft der produzierenden Arbeiterklasse und

gibt an diese vom Profit nur soviel ab, wie zum Existenzhalt notwendig ist. Marx vertrat die Ansicht, dass aus diesem Unrechtszustand zwingend der Klassenkampf zwischen ausbeutender und ausgebeuteter Klasse resultiert, dem sich schließlich der Sieg der Arbeiterklasse und damit die Diktatur des Proletariats anschließt.

John A. Hobson

Der Engländer John A. Hobson legte 1902 als erster eine umfassende ökonomische Imperialismustheorie vor. Seiner Meinung nach entstand der moderne Imperialismus primär aus der Fehlverteilung des Sozialproduktes innerhalb des kapitalistischen Staates. Nichtwirtschaftlichen (politischen, militärischen, psychologischen und religiösen) Faktoren wies er in Bezug auf die imperialistische Expansion der Industrieländer eine untergeordnete Rolle zu.

Die Fehlverteilung des Sozialproduktes führte Hobson zur Unterkonsumtionstheorie [2]: Bedingt durch zu niedrige Arbeitslöhne sei die Bevölkerungsmehrheit nicht in der Lage, die Wirtschaftsprodukte ihres Landes in vollem Ausmaß zu verbrauchen, weshalb es zu Überproduktion und Kapitalüberschuss komme. Dieser Überschuss, der sich in den Händen einer zahlenmäßig geringen Schicht an Kapitaleignern befände, würde der Gesellschaft durch Kapitalexpert entzogen. Im Zuge der verstärkten Bemühungen im Außenhan-

del komme es zur Mitwanderung von Händlern, Ingenieuren, Mechanikern, Unternehmern und Managern, die sich in neu erschlossenen Territorien niederließen. Aufgrund von Konflikten mit der eingeborenen Bevölkerung forderten sie von ihren Heimatnationen Unterstützung in Form von militärischer Intervention.

Hobson versucht anhand von Statistiken nachzuweisen, dass der daraus resultierende Einsatz militärischer Mittel zwar seinerseits bestimmte Wirtschaftszweige wie die Textil-, Werkzeug- oder Schiffbauindustrie ebenso fördere wie das Bankwesen; da beide sich jedoch in der Hand weniger Privatunternehmer befänden, entstünden dem Staat ganz erhebliche Kosten, die in keinem Verhältnis zum Gewinn für das Gemeinwesen stünden.

„Imperialismus ist das Bestreben der großen Industriekapitäne, den Kanal für das Abfließen ihres überschüssigen Reichtums dadurch zu verbreitern, dass sie für Waren und Kapitalien, die sie zu Hause nicht absetzen oder anlegen können, Märkte und Anlagemöglichkeiten im Ausland suchen“ [2]. Diese Einschätzung machte Hobson jedoch nicht zum Antikapitalisten, er glaubte vielmehr, der Imperialismus könne innerhalb des Kapitalismus unterbunden werden [2]. Durch eine gerechtere Verteilung des erwirtschafteten Profites im Inland müsse der Konsum an die Produktion angeglichen werden, um der Wirtschaft die Grundlage ihres Expansionsbestrebens zu entziehen.

Im Gegensatz zu Lenin sah Hobson in der außenwirtschaftlichen Expansion der Industriestaaten keineswegs den Grund für internationale Kriege. Jede Form von Krieg schade einem Staat bzw. einer Gesellschaft. Einzig die Kapitalanleger, die die breite Masse für die Durchsetzung ihrer Interessen benutzten, profitierten aus militärischen Auseinandersetzungen. Hobsons Imperialismustheorie bildete die Basis sowohl für nationalökonomische (Schumpeter, Keynes) als auch für marxistisch — leninistische Veröffentlichungen der Nachzeit (Lenin, Luxemburg). Kritisch betrachtet lässt sie sich jedoch nicht mehr aufrechterhalten, da „die von Hobson behauptete direkte Korrelation zwischen Kapitalexport und Kolonialerwerb statistisch nicht haltbar ist (...)“ [3]. Des weiteren vernachlässigte Hobson nichtwirtschaftliche Faktoren des Imperia-

lismus. Er fügte seiner Theorie zwar eine sozialpsychologische Komponente bei, doch fehlt in seiner Beurteilung der machtpolitische Aspekt ebenso wie die Diskussion um eine mögliche Absorbationsfunktion des Imperialismus in Bezug auf innenpolitische Konflikte.

Rudolf Hilferding

Rudolf Hilferding veröffentlichte 1910 als erster eine umfassende marxistische Imperialismustheorie. Er verstand den Imperialismus im Gegensatz zu Schumpeter als „zwangsläufiges Produkt des Kapitalismus auf einer höheren, nicht mehr freihändlerischen Entwicklungsstufe“ [2]. Auf dieser Stufe liege die Kontrolle über den Staat in den Händen des Bankwesens, das Hilferding als „Finanzkapital“ bezeichnete. Dieses Finanzkapital benötige einen politisch wie ökonomisch mächtigen Staat, der einerseits den Erhalt seiner Machtstellung garantiere, andererseits immer neue Gebiete für neue Investitionsmöglichkeiten erschließe. Nach Hilferding erwächst aus der zunächst freiwilligen Vergrößerung des Machtbereiches des Finanzkapitals später eine wirtschaftliche Notwendigkeit, um nicht den Expansionsversuchen anderer Nationen zu unterliegen. Die imperialistische Expansion des Finanzkapitals beschleunige die Ausdehnung des Kapitalismus [4]. Es komme zwangsläufig zu Interessenkonflikten miteinander konkurrierender Wirtschaftsnationen, außerdem würde überall der innenpolitische Herrschaftsanspruch des Finanzkapitals bezweifelt. Hier sah Hilferding den Punkt, an dem der monopolistische Kapitalismus vom Sozialismus abgelöst werde: „In dem gewaltigen Zusammenprall der feindlichen Interessen schlägt schließlich die Diktatur der Kapitalmagnaten um in die Diktatur des Proletariats“.

Rosa Luxemburg

Im Jahre 1913 veröffentlichte Rosa Luxemburg die „Akkumulation des Kapitals“, eine weitere marxistische Imperialismustheorie. Luxemburg versteht ihre Abhandlung als Weiterführung der marxistischen Theorie über die Entwicklung des Kapitalismus. Dabei versucht sie den Umstand zu klären, warum der von Karl Marx vorhergesagte Übergang des Kapitalismus zum Sozialismus noch nicht stattgefunden habe. Ihrer Meinung nach ist, im Gegensatz zur marx'schen Darstellung, die „Akku-

mulation des Kapitals“, also die Entwicklung zum monopolistischen Kapitalismus, abhängig von dem Bestehen vorkapitalistischer Gesellschaftsformen. Sie sucht die Ursachen für den Zusammenbruch des Kapitalismus also nicht in immanenten Faktoren sondern in der Abhängigkeit des Kapitals von den übrigen auf der Welt existierenden Herrschaftsstrukturen zu erklären.

Der Übergang zum Sozialismus sei erst möglich, dann jedoch auch zwingend, wenn das Kapital durch das Nichtmehrvorhandensein vorkapitalistischer Gesellschaftsstrukturen an seiner Expansion gehindert würde. Für Luxemburg spielt der Imperialismus dabei eine wichtige Rolle. Sie versteht ihn als Stufe des Kapitalismus, denselben einerseits vorantreibend, andererseits letztlich zerstörend. Der immer stärker werdende imperialistische Konkurrenzkampf der kapitalistischen Nationen um die Verteilung noch nicht kolonialisierter Gebiete führe gleichzeitig zum Zusammenbruch des Kapitalismus als solchem.

„Je energischer das Kapital den Militarismus gebraucht, um die Produktionsmittel und Arbeitskräfte nichtkapitalistischer Länder und Gesellschaften durch die Welt- und Kolonialpolitik sich selbst zu assimilieren, um so energischer arbeitet derselbe Militarismus daheim in den kapitalistischen Ländern dahin, den nichtkapitalistischen Schichten dieser Länder, d. h., den Vertretern der einfachen Warenproduktion sowie der Arbeiterklasse fortschreitend die Kaufkraft zu entziehen, d. h. die ersteren immer mehr der Produktivkraft zu berauben, die letzteren in ihrer Lebenshaltung herabzudrücken (...)“ [4].

Für Luxemburg ist der Begriff des Militarismus gleichbedeutend mit Imperialismus. Es fällt auf, dass sie die Ursachen für den Zusammenbruch des Kapitalismus sowohl in der innen- wie auch in der außenpolitischen Anwendung imperialistischer Herrschaftsmittel sieht. Die Zerstörung der vorkapitalistischen Gesellschaftsstrukturen müsse zwangsläufig zum innenpolitischen Aufruhr und damit zur Ablösung des Kapitalismus durch den Sozialismus führen.

Wladimir I. Lenin

Lenin entwickelte, basierend auf Hobsons Arbeit, die führende marxistische Theorie über in-

ternationale Beziehungen innerhalb eines internationalen Systems. Er wusste, dass es Imperialismus schon gegeben hatte, bevor der Kapitalismus seine höchste Stufe erreicht hatte, jedoch hatte er kein Interesse daran, Imperialismus in seiner Gesamtheit zu erklären; er beschränkte sich auf dessen Auswirkungen auf sozioökonomische Systeme, hier besonders auf den Kapitalismus. Für Lenin stellte der Imperialismus „das monopolistische Stadium des Kapitalismus“ dar, in dem eine kleine Gruppe von Kartellen in der Industrie und im Bankwesen die Herrschaft übernommen hat und die Welt unter den einflussreichen kapitalistischen Nationen aufgeteilt worden ist. Lenin zeigt fünf Kennzeichen des Imperialismus auf [5]:

„1. Konzentration der Produktion und des Kapitals, die eine so hohe Entwicklungsstufe erreicht hat, dass sie Monopole schafft, die im Wirtschaftsleben die entscheidende Rolle spielen.

2. Verschmelzung des Bankkapitals mit dem Industriekapital und Entstehung einer Finanzoligarchie auf der Basis dieses ‚Finanzkapitals‘.

3. Der Kapitalexport, im Unterschied zum Warenexport, gewinnt besonders wichtige Bedeutung.

4. Es bilden sich internationale monopolistische Kapitalistenverbände, die die Welt unter sich teilen und

5. die territoriale Aufteilung der Erde unter die kapitalistischen Großmächte ist beendet.“

Der Kapitalexport sei notwendig, da im Inland nur noch geringe Gewinne zu erzielen seien. Jedoch resultierten die Profite, die aus dem Kapitalexport erwachsen, aus der wirtschaftlichen Ausbeutung fremder Völker. Lenin stellt fest, dass mit dem Grad der Entwicklung des Kapitalismus auch die Nachfrage nach Rohstoffen und neuen Absatzmärkten, also nach Kolonien, steige. Die Kontrolle über überseeische Besitzungen garantiere beides, dazu komme noch die Möglichkeit der Beschaffung billiger Arbeitskräfte. Dabei locke die besitzende Schicht die Arbeiter innerhalb ihrer eigenen Gesellschaft mit wirtschaftlichen Versprechen wie Erhöhung des Lebensstandards etc., um eine Front gegen obengenannte Fremdarbeiter aus den Kolonien zu bilden und sie auf diese Weise von den scheinbaren Vorteilen des Imperialismus auch für ihre Schicht zu überzeugen.

Seit der These, dass der Kapitalismus die Wurzel des Imperialismus sei, ist der Kapitalismus für Lenin genau wie für andere Vertreter der marxistischen Theorie auch der entscheidende Auslöser für internationale Kriege. Er begründet dies mit der Abhängigkeit kapitalistischer Wirtschaftssysteme von Kolonialgebieten. Weil die Welt jedoch unter den kapitalistischen Nationen aufgeteilt sei, bliebe dem Expansionswilligen als einziges Mittel zur Änderung des Status Quo der Krieg. Deshalb sei die Zerstörung der kapitalistischen Staaten die Grundvoraussetzung für die Beseitigung internationaler Konflikte.

Die leninistische Imperialismustheorie hat bis heute, abgesehen von einigen geringfügigen Änderungen, zu denen sich kommunistische Führer aufgrund internationaler strategischer Entwicklungen gezwungen sahen, Bestand. Ihre Anwendung bereitet Dougherty jedoch Schwierigkeiten. Zum einen würden „zivilisierte“ Länder stärker in andere Industrienationen investiert haben als in die Entwick-

lungsländer jener Zeit, zum anderen wäre die Kolonisierung von unterentwickelten Ländern vor dem 1. Weltkrieg auch von zivilisatorischen Maßnahmen wie der Erhöhung des Bildungsgrades, der Errichtung einer medizinischen Grundversorgung und der Verbesserung des technischen und wissenschaftlichen Entwicklungsstandes begleitet. Laut Dougherty würde eine objektive Beurteilung des Imperialismus sowohl die Vor- als auch die Nachteile aufzeigen, jedoch beschränkten sich die Marxisten des 20. Jahrhunderts auf die Darstellung der Nachteile [6].

Dieser Versuch einer positiven Darstellung der imperialistischen Bestrebungen der Großmächte kann bei aller Nachsicht nicht geduldet werden. Dougherty scheint die barbarischen Methoden der Eroberer, die soviel Unheil über die Völker dieser Erde gebracht haben, vollkommen zu vernachlässigen. Strafexpeditionen in den Kolonien lassen sich nicht durch die Errichtung einiger Schulen, die die hervorgehobene Stellung der „weißen Rasse“ gelehrt haben, rechtfertigen oder sogar als positiv bewerten.

Referenzen:

1. Milios, Jannis und Sotiropoulos, Dimitris. „Marxsche Theorie und Imperialismus.“ PROKLA. Zeitschrift für kritische Sozialwissenschaft. Heft 159, 40. Jg., 2010, Nr. 2, S. 259–275.
2. Hobson, John A. Der Imperialismus. 2. Aufl., Köln – Berlin, 1970.
3. Fenske, Hans. Politisches Denken im 20. Jahrhundert. Imperialismus, in: Lieber, H.-J. (Hg.), Politische Theorien von der Antike bis zur Gegenwart, (Schriftenreihe, Bd.229, Bundeszentrale für politische Bildung), 2.Aufl., Bonn, 1993.
4. Mommsen, Wolfgang J. Imperialismustheorien. 1.Aufl., Göttingen, 1977.
5. Hilferding, Rudolf. Das Finanzkapital. Wien, 1910.
6. Luxemburg, Rosa. Die Akkumulation des Kapitals. Berlin, 1946.
7. Lenin, Vladimir I. Imperialism. The Highest Stage of Capitalism. New York, 1939.
8. Dougherty, James E./Pfaltzgraff, Robert L. Jr. Contending Theories of International Relations. Philadelphia, 1971.

Science of law

Section 1. Civil law

*Isho Konstantin Danielevich,
LLC "Insurance center "SPUTNIK",
Head of Legal Department, Ph. D. of Law
E-mail ikd1@mail.ru*

Legal analysis of the practices of the inclusion in the tender documentation requirements for financial strength rating and size of the authorized capital of the insurer as tenderer in accordance with the Federal Law of 18.07.2011 no. 223-FZ "On procurement of goods, works and services of certain kinds of legal entities"

Abstract: Legality of the inclusion in the tender documentation requirements for financial strength rating and for size of the authorized capital of the insurer as a participant of procurement in accordance with the Federal Law of 18.07.2011 no. 223-FZ "On procurement of goods, works and services of certain kinds of legal entities" in terms of the current legislation of Russian Federation as well as law enforcement is discussed. The author presents valid conclusions and recommendations that will help in the practice of many insurance companies as well as potential insured persons during signing of insurance contracts as result of competitive procedures.

Keywords: insurance, authorized capital, financial strength rating, law of 18.07.2011 no. 223-FZ.

*Ишо Константин Даниелевич,
ООО «Страховой центр «СПУТНИК»,
Начальник Правового управления, кандидат юридических наук
E-mail ikd1@mail.ru*

Правовой анализ практики включения в конкурсную документацию требований к рейтингу надежности и размеру уставного капитала страховщика как участника закупки в соответствии с ФЗ от 18.07.2011 N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»

Аннотация: В статье рассматривается законность включения в конкурсную документацию требований к рейтингу надежности и размеру уставного капитала страховщика как участника закупки в соответствии с ФЗ от 18.07.2011 N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» с точки зрения действующего законодательства Российской Федерации, а также правоприменительной практике. Автором делаются обоснованные выводы и рекомендации, которые помогут в работе многих страховых организаций, а также потенциальных страхователей при заключении договоров страхования по итогам конкурентных процедур.

Ключевые слова: страхование, уставной капитал, рейтинг надежности, ФЗ от 18.07.2011 N 223-ФЗ.

С вступлением в силу ФЗ от 18.07.2011 N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее по тексту ФЗ № 223-ФЗ) многие предприятия и организации вынуждены были перейти на абсолютно новые для них способы заключения гражданско-правовых договоров с использованием неизвестных прежде конкурентных процедур. И если в сфере государственных закупок уже сформировалась какая-либо практика преддоговорной работы, то в области применения вышеуказанного закона на первых порах наблюдался ажиотаж и абсолютное непонимание сути закона и его основополагающих принципов.

С течением времени, практика расставила многое на свои места. Рынок привык к необходимости заключать договоры с субъектами 223-ФЗ по итогам конкурентных процедур, создались новые электронные площадки. Не исключением стал и страховой рынок. В настоящий момент практически все крупные страховые риски появляются на рынке от организаций, подпадающих под действие рассматриваемого закона. Естественно такое положение дел обязывает страховщиков принимать участие в конкурентной процедуре, в большинстве случаев проводимой в виде открытого конкурса. Однако потенциальные страхователи ограничивают участие в таких конкурсах ряду страховщиков, предъявляя к ним определенные требования.

Последнее время все чаще в конкурсных документах на заключение договоров страхования присутствуют установленные к страховщикам требования относительно наличия у них определенного рейтинга рейтинговых агентств и размера уставного капитала. Представляется необходимым подробнее рассмотреть законность таких требований, поскольку установление незаконных ограничений в конкурсных документах может привести к признанию конкурса несостоявшимся и соответственно к дисбалансу интересов различных субъектов хозяйственной деятельности.

Анализ законности требований в конкурсной документации в отношении наличия у страховщика рейтинга рейтинговых агентств

Согласно пункту 2 части 1 статьи 3 ФЗ № 223-ФЗ при закупке товаров, работ, услуг заказчики руководствуются следующими принципами:

- Равноправие;
- Справедливость;
- Отсутствие дискриминации и необоснованных ограничений конкуренции по отношению к участникам закупки.

Само по себе установление в конкурсной документации требований к наличию у участника закупки текущего рейтинга надежности, по нашему мнению, не противоречит действующему законодательству Российской Федерации и может иметь место, при условии, что наличие и (или) отсутствие у участника закупки такого рейтинга не является критерием принятия и (или) отклонения заявки, а влияет лишь на количество набранных баллов, и соответственно, определения победителя закупки. Данный вывод основывается на следующем.

В Российской Федерации для страховых компаний отсутствуют законодательные требования к обязательному получению рейтинга какого-либо рейтингового агентства. Получение указанного рейтинга осуществляется страховщиками добровольно и на договорной возмездной основе.

Одним из основных постулатов гражданского права в Российской Федерации является принцип самостоятельности и диспозитивности в приобретении, осуществлении и защите гражданских прав. Данный принцип нашел свое отражение в пункте 1 статьи 1 Гражданского кодекса РФ, согласно которому граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Исходя из данного принципа права, законодателем в пункте 1 статье 448 Гражданского кодекса РФ было установлено, что в открытом аукционе и открытом конкурсе может участвовать любое

лицо. В закрытом аукционе и закрытом конкурсе участвуют только лица, специально приглашенные для этой цели.

Принцип самостоятельности и диспозитивности в приобретении, осуществлении и защите гражданских прав находит свое отражение и в ФЗ № 223-ФЗ. Так, устанавливая требования к участникам закупки в части 5 статьи 3 223-ФЗ, законодателем подчеркивается, что участником закупки может быть любое юридическое лицо или несколько юридических лиц, выступающих на стороне одного участника закупки, независимо от организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала либо любое физическое лицо или несколько физических лиц, выступающих на стороне одного участника закупки, в том числе индивидуальный предприниматель или несколько индивидуальных предпринимателей, выступающих на стороне одного участника закупки, которые соответствуют требованиям, установленным заказчиком в соответствии с положением о закупке.

При этом законодателем предусматривается прямой запрет на любое ограничение конкуренции. Так, согласно части 1 статьи 17 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» при проведении торгов, запроса котировок цен на товары (далее — запрос котировок), запроса предложений запрещаются действия, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, в том числе: создание участнику торгов, запроса котировок, запроса предложений или нескольким участникам торгов, запроса котировок, запроса предложений преимущественных условий участия в торгах, запросе котировок, запросе предложений, в том числе путем доступа к информации, если иное не установлено федеральным законом.

Таким образом, установление в качестве требований к участию в закупке наличия рейтинга рейтингового агентства создает для участников закупки, имеющих рейтинг, преимущественные условия по отношению к тем страховщикам, которые такой рейтинг не имеют, поскольку исключают возможность последних участвовать в закупке,

что прямо противоречит статье 448 Гражданского кодекса РФ и части 5 статьи 3 223-ФЗ.

Кроме этого, указанные требования ограничивают гражданские права страховщика, установленные законом, поскольку фактически для осуществления коммерческой деятельности требуют от страховщика заключить договор с рейтинговым агентством, в том числе и помимо его воли.

Однако организатор закупки в силу действующего законодательства РФ вправе устанавливать в качестве критерия отбора победителя закупки наличие у него рейтинга надежности, поскольку такой рейтинг позволяет организатору закупки судить о финансовом состоянии участника закупки. При этом организатором закупки должны быть четко установлены критерии такой оценки, а также порядок их применения. В противном случае, нарушится принцип недопущения создания участникам закупки преимущественных условий участия в торгах, провозглашенный частью 1 статьи 17 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции».

В Российской Федерации нет обязательной аккредитации рейтинговых агентств. Приказом Минфина РФ от 04.05.2010 N 37 н «Об утверждении Порядка аккредитации рейтинговых агентств и ведения реестра аккредитованных рейтинговых агентств» определен порядок добровольной аккредитации, целью которой, согласно пункту 1 вышеуказанного Приказа является обеспечение повышения доверия к деятельности рейтинговых агентств путем подтверждения их компетентности в присвоении кредитных рейтингов.

Таким образом, организатор закупок обязан учитывать рейтинг любого рейтингового агентства, действующего на территории Российской Федерации, в том числе и отсутствующего в реестре аккредитованных Минфином РФ рейтинговых агентств. Однако, поскольку целью государственной аккредитации рейтинговых агентств является повышения доверия к рейтингам, то организатор закупки вправе устанавливать повышенные баллы в отношении участника закупки, обладающего рейтингом аккредитованного агентства.

Организатор закупок также вправе устанавливать критерии оценки в зависимости от уров-

ня рейтинга по системе «выше уровень — выше балл». Однако применение таких критериев в силу части 1 статьи 17 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» не должно быть основополагающими и исключающими возможность победы в конкурентной процедуре лицу, имеющему уровень рейтинга ниже, чем его конкуренты, и (или) не имеющему такого рейтинга.

Необходимо отметить, что на практике уже были случаи аннулирования антимонопольным органом процедуры закупки по причине установления в конкурсной документации требований к наличию определенного рейтинга конкретного рейтингового агентства. Так, в частности Санкт-Петербургское УФАС указало, что установление требования к участникам о наличии у участника текущего рейтинга надежности страховой компании не противоречит законодательству, однако ограничение нижнего предела вышеупомянутого рейтинга значениями «А++» (рейтингового агентства «Эксперт РА») и «ААА» (рейтингового агентства «Национальное рейтинговое агентство (НРА) необоснованно и является основанием для отклонения потенциальных участников Закупки [1].

Аналогичное мнение было выражено и Арбитражным судом Московского округа, который подчеркнул, что действия заявителя в части требования о присвоении рейтинга единственным указанным рейтинговым агентством нарушают требования ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О защите конкуренции», при этом установление избыточных требований к претендентам и представляемым ими документам может привести к ограничению числа хозяйствующих субъектов на товарном рынке или иным последствиям, негативно сказывающимся на конкурентной среде [2].

Вывод: установление наличия рейтинга в качестве допуска к участию в закупке нарушает статью 448 Гражданского кодекса РФ, часть 1, часть 5 статьи 3 223-ФЗ, часть 1 статьи 17 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции». Наличие рейтинга в качестве критерия оценки победителя закупки допустимо с точки зрения законодательства Российской Федерации,

однако установление таких критериев не должно предоставлять необоснованные преимущества участнику закупки и нарушать конкуренцию.

Анализ законности требований в конкурсной документации в отношении размера уставного капитала

Согласно статьи 8 Конституции РФ в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности.

Устанавливая в конкурсной документации требования к размеру уставного капитала страховщика, а также к его структуре, организатор закупок, по сути, преследует цель обеспечения исполнения обязательств страховщиком по заключенному в результате закупке договору страхования. Указанные требования в конкурсной документации, на наш взгляд, противоречат действующему законодательству Российской Федерации, поскольку направлены на незаконное ограничение конкуренции в части исключения из участия в закупке ряда страховщиков, чьи размеры уставного капитала ниже заявленных в конкурсной документации в виду нижеследующего.

Согласно части 1 статьи 3 Закона РФ от 27.11.1992 N 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» задачами организации страхового дела являются: проведение единой государственной политики в сфере страхования.

В силу части 1 статьи 6 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» страховщиками выступают страховые организации и общества взаимного страхования, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации для осуществления деятельности по страхованию, перестрахованию, взаимному страхованию и получившие лицензии на осуществление соответствующего вида страховой деятельности в установленном настоящим Законом порядке.

В соответствии с частью 1, частью 2 статьи 25 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» гарантиями обеспечения финансовой устойчивости и платежеспособности

способности страховщика являются экономически обоснованные страховые тарифы; страховые резервы, достаточные для исполнения обязательств по страхованию, сострахованию, перестрахованию, взаимному страхованию; собственные средства (капитал); перестрахование.

Собственные средства (капитал) страховщиков (за исключением обществ взаимного страхования) включают в себя уставный капитал, резервный капитал, добавочный капитал и нераспределенную прибыль.

Частью 3 статьи 25 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» установлено, что страховщики (за исключением обществ взаимного страхования) должны обладать полностью оплаченным уставным капиталом, размер которого должен быть не ниже установленного законом минимального размера уставного капитала.

Минимальный размер уставного капитала страховщика, осуществляющего исключительно медицинское страхование, устанавливается в сумме 60 миллионов рублей. Минимальный размер уставного капитала иного страховщика определяется на основе базового размера его уставного капитала, равного 120 миллионам рублей, и коэффициентов, определенных в части 3 статьи 25 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации». При этом закон подчеркивает, что внесение в уставный капитал заемных средств и находящегося в залоге имущества не допускается.

Из указанных положений законодательства Российской Федерации следует, что государство, осуществляя надзор за страховой деятельностью, установило достаточные гарантии финансовой устойчивости страховщика, которыми он должен обладать. Подтверждением соответствия всем требованиям законодательства Российской Федерации, в том числе и к финансовой устойчивости, является наличие у страховщика выданной Центральным Банком РФ лицензии на осуществление страхования. Иными словами, наличие у страховщика лицензии означает, что он соответствует всем требованиям законодательства

Российской Федерации и вправе осуществлять страховую деятельность на территории России. Частью 1 статьи 17 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» установлено, что при проведении торгов, запроса котировок цен на товары (далее — запрос котировок), запроса предложений запрещаются действия, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, в том числе: создание участнику торгов, запроса котировок, запроса предложений или нескольким участникам торгов, запроса котировок, запроса предложений преимущественных условий участия в торгах, запросе котировок, запросе предложений, в том числе путем доступа к информации, если иное не установлено федеральным законом.

При таких обстоятельствах, на наш взгляд, организаторы закупок лишены законодательной возможности устанавливать иные требования к финансовой устойчивости страховщика, чем те, которые императивно предусмотрены законом. Размер уставного капитала также не может быть установлен в качестве критерия конкурентного преимущества страховщика, поскольку установление такого критерия не содержит никакого требования к участнику закупок, а направлено только лишь на оценку его финансовой устойчивости в целях гарантирования исполнения обязательства, что не входит в компетенцию организатора закупки, так как является задачей государственного органа, осуществляющего надзор в сфере страхования.

Вывод: организатор закупок не вправе устанавливать в конкурсной документации требования к размеру уставного капитала страховщика, а равно предоставлять конкурентные преимущества страховщику с большим размером уставного капитала, поскольку данные требования ограничивают конкуренцию на страховом рынке. Единственным достаточным требованием к финансовой устойчивости страховщика в конкурсной документации может быть только наличие действующей лицензии на осуществление страховой деятельности.

Список литературы:

1. Решение Санкт-Петербургского УФАС от 07.11.2014 г. по жалобе № Т02–434/14.
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.02.2015 N Ф05–16816/2014 по делу N А40–12029/2014.

Section 2. Criminal science

*Evdokimov Konstantin Nikolaevich,
Associate Professor of the Chair of State
and Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute
Affiliated with the Academy
of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation
PhD in Law, Associate Professor
E-mail: kons-evdokimov@yandex.ru*

Personality traits of computer criminals in modern Russia

Abstract: The article, based on the latest materials forensic investigative practice, examines the criminological characteristics of computer synthesized offender and his typical criminological portrait. A comparative analysis of changes in the personal computer properties for a criminal 10-year period from 2006 to 2016. The findings suggest a physiological, intellectual, professional and social maturation of the average offender committing wrongful acts under Art. Art. 159.6, 272, 273, 274 of the Criminal Code.

Keywords: computer crime, crime in the sphere of computer information, computer crime, computer criminal, identity of the perpetrator.

The current study features offender committing computer crimes is a prerequisite to effectively combat computer-related crime in Russia.

The author in 2006 as part of the research [1] investigated the materials of 125 criminal cases investigated in the period from 2000 to 2006, the bodies of internal affairs in the Irkutsk region, which led to the following conclusions about the structure and the general type of offender who commits a crime in the sphere of computer information.

This is a man, age from 16 to 25 years old, Russian, unmarried, having a secondary education; University student (student secondary special educational institution) or a young professional, recently received higher education (secondary vocational) education; city resident, domiciled; commit crimes repeatedly, out of selfish motives, have not tried. The nature is extraordinary, thinking person, able to take the risky and original solutions; emotionally vulnerable; inclined to assert themselves and improve their social status within the group of people around him; She loves privacy and prefers to work with the computer communication to the public; with peers

prefer to communicate virtually, because Communication in "live" often causes certain psychological difficulties and misunderstandings; to training sessions (work) refers to both charges, so allow them missing (late); many engaged in self-education; with unlimited access to the Internet or a computer network, frequently delayed at work (in the computer room) after the completion of studies or working hours.

At the same time technicians (programmers, system administrators) of the number of employees was 20 in the total mass of computer criminals — 25%, ie almost one in four. Students and students, about 60%, ie every second and even more. Not working and not studying up a small amount, in the years from 0 to 27, 3%, in general, their number is reduced to zero. The number of persons who have committed two or more offenses ranged from 20 to 80% in different years, ie on average, every second. The number of juvenile offenders in different years ranged from 20 to 60%, ie on average, every third [2, 128–129].

Meanwhile, we believe it necessary to conduct permanent and continuous study of the individual

computer criminals in modern Russia, in order to determine the transformation in his criminological characterization and identification of new personal properties (attributes) that is of practical importance in solving crimes in the sphere of computer information and the implementation of preventive measures aimed at combating computer crime.

Therefore, the author of the materials 125 criminal cases were analyzed (convictions, indictments, decisions about termination of criminal cases and other procedural acts) investigated by the investigating authorities and examined by the courts of Moscow, St. Petersburg, Altai Territory, the Irkutsk Region, the Novosibirsk Region, Omsk region, Primorsky Krai, the Republic of Buryatia, the Tomsk region, Khabarovsk Territory in the period 2012–2015 years.

The study materials forensic investigative practices following criminological relevant information about computer offender was obtained.

So among computer criminals are still dominated by men, who accounted for 88.8% of the studied individuals (111 of 125), female offenders were respectively 11, 2% (14 of 125 individuals).

The age qualification of these persons was as follows: from 16 to 25 years — 67 offenders (53, 6%), incl men — 60 (54% of men), Women — 7 (50% of women) ... from 26 to 35 years — 42 (33, 6%) in men — 40 (36% of men), women — 2 (14, 3% of women) ...; from 36 to 45 years — 15 (12%) in men — 10 (9, 1% of men), women — 5 (35, 7% of women) ...; 46 years — 1 (0, 8%) in men — ... 1 (0, 9% of men), women — 0 (0% of women).

The level of education of the perpetrators of computer crime, distributed as follows: general secondary education were 39 persons (31, 2%), incl men — 37 (33, 3% of men), Women — 2 (14, ... 2% of women); secondary special education — 44 (35, 2%), incl men — 38 (34, 3% of men), women — 6 (42, 9% of women) ...; higher or incomplete higher education — 42 criminal (33, 6%) incl men — ... 36 (32, 4% of the men), women — 6 (42, 9% of women).

According to the social status of 18 computer criminals (14, 4%) were students or students of educational institutions (all males, thus 16 2% of men); 31 offender (24, 8%) were classified as servants in

men — 27 (24, 3% of men), women — 4 (28, 6% of women) ...; Software engineers, network administrators or other persons working in the field of IT-technology — 35 people (28%), incl men — ... 32 (28, 8% of the men), women — 3 (21, 4% of women); unemployed — 41 persons (32, 8%) in men — ... 34 (30, 7% of men), women — 7 (50% of women).

According to their marital status 48 computer criminals were in formal marriage (38, 4%), incl married men — ... 44 (39, 6% of men), married women — 4 (28, 6% of the total the number of women), and 77 persons were divorced or marital status did not take place (61, 6%), incl unmarried (divorced) men — ... 67 (60, 4% of men), unmarried (divorced) women — 10 (71, 4% of women).

However, only 6 of criminals (4, 8%) of the 125 had a previous conviction for previously committed computer crimes (all males, ie, 5, 4% of men), while the remaining 119 (95, 2%) convictions in the past we had no men in — ... 105 (94, 6% of men), female — 14 (100% of women).

It should also be noted that only 12 offenders (9, 6%) were prosecuted for criminal acts in groups of persons by prior agreement or an organized group (all males, ie 10, 8% of the total of men), while the remaining 113 (90, 4%) committed the crime alone, incl men — ... 99 (89, 2% of men), women — 14 (100% of the total number of women).

According to the author, it is important that the 75 computer criminals (60%) committed a crime more than once, ie, when to prosecute them were imputed 2 or more episodes of committing crimes in the sphere of computer information, fraud in the sphere of computer information and other computer crimes. Including man — 64 (57, 6% of men), female — 11 (78, 6% of women).

In view of the above, according to the author, a typical criminological portrait of the person of the Russian computer criminals are now as follows: a man aged 35 years, a resident of the city, having secondary or higher technical education; not consisting in the family status; possessing skills and experience on computing devices; unemployed (recently dismissed from work or service), or working professionals in the field of IT-technologies (system administrator, software engineer, sales manager of

computing devices, technical director, etc.), which, by official (occupational) duties has access to the office computer devices, computer networks and databases). In the past criminal record and had no criminal record, but computer crimes committed repeatedly. Criminal acts prefer to do it alone, m. To. Have a low social and communicative in character is an individualist, egocentric personality.

Meanwhile, in the intervening period there have been significant changes in the age and social characteristics. So, in the early 2000-ies among computer criminals dominated the youth, school children, pupils or students of educational institutions under the age of 25 years who do not have professional skills and experience in the field of IT-technologies, the aim of which was to obtain free and unlimited Internet traffic.

Currently, it is more adult offenders (under the age of 35) working (or recently laid-off from work) in the provision of banking, commercial, information and other high-tech services, committing computer crimes to obtain illicit enrichment. In this case, they already have completed tertiary (vocational) technical education; professional experience in programming, system administration, and skills of working with computer devices, information and telecommunications networks and other means of storage, processing, transmission of computer information.

It is, in my opinion, the interest and the fact that the number of women (11, 2%), which earlier in the late 1990s among computer criminals — the beginning of the 2000s, the total mass of persons who have committed criminal acts were less than 1%. As the judicial and investigative practice, mostly girls or young women under the age of 25 years old, not married or divorced (in this case, have a dependent minor children); unemployed; with secondary education; non experts in the field of IT-technology and non-technical education. Most often they commit such criminal acts as illegal hacking e-mail acquaintances, friends, ex-spouses of revenge, jealousy, jealousy (Art. Art. 138, 272 of the Criminal Code), or

carry out the theft of money from bank accounts of their acquaintances, friends, colleagues, co-workers or other persons with whom they have to engage in social contact, via smartphones (iPhones) via “Mobile banking” app (v. 159 6 of the Criminal code), using logins, passwords and computer codes which they knew or had access to them or became known to them by accident due to a confluence of circumstances of life. These crimes do not require the presence of the offender special technical training, education or skills.

Noting the increase in the average age of computer criminals to 35 years, the author believes that the greatest danger to the public yet are persons aged 35 years and older. They have a completed higher technical education, long experience in the field of information technology and security: programmers, system administrators, specialists in the protection of computer data, etc. This category of persons being permanent employees (the heads of relevant departments and leading specialists) companies, firms, institutions, highly qualified specialists in the field of programming and computer security, have unlimited access to information resources and are able to create a malicious computer programs increased complexity, having considered all the possible consequences of their use and options for hiding traces of the crime. However, they are pragmatic enough to have life experience that allows them to avoid embarrassing mistakes, have a family and children, which causes them to be more cautious in their actions, and not be subject to unnecessary risk.

Therefore, this category of computer criminals seldom come to the attention of law enforcement agencies, while remaining in the shadows. In most cases of crimes under Art. Art. 159. 6, 272, 273, 274 of the Criminal Code involved young people aged 16 to 35 years, due to lack of professional experience in the field of programming skills and knowledge, but more due to lack of experience, caution, increased emotionality and extremism, typical for their age.

References:

1. Evdokimov, K.N. Criminal law and criminological aspects of combating illegal access to computer information: On materials of Eastern Siberia: the dissertation on competition of a scientific degree of candidate of juridical Sciences: 12.00.08. Irkutsk, 2006. – 203 p.
2. Evdokimov, K. N. The problems of qualification and prevention of computer crimes: monograph. – Irkutsk: Irkutsk law Institute (branch) of Academy of Prosecutor General of the Russian Federation, 2009. – 171 p.

Section 3. Public law

*Ekeh Richards U,
University of Uyo, PhD in Public Law,
Faculty of Law
E-mail: richards.ekeh@yahoo.com*

*Innocent V. O. Modo,
University of Uyo,
PhD in Anthropology, Faculty of Social Sciences
E-mail: ogotel@yahoo.com*

The curtailment of testamentary freedom in the making of Wills in Nigeria

Abstract: By the instrumentality of Wills, man is elevated to the status of enjoying a life of two worlds having been conferred by statutes with the impetus of speaking from the dead. Wills, being the platform for the advancement of a generational link is modeled along the principle of giving persons full testamentary powers to dispose of their properties in accordance with their wishes. This article examines the concept of Wills and factors that curtail the testamentary freedom of persons in the making of Wills in Nigeria. It is therefore recommended that because of the nature of kinship system in Nigeria the wills Act of 1837 and the testator's intent should be subject to the customary law of the land.

Keywords: Public Law, Wills, Customary Law, Generational link.

Introduction

Death, over the ages, has been, and still a nightmare to man's varied efforts to success. This is due to its abrupt nature and occurrence. The fear of death has been the major drawback to man's adventurous quest to greatness in several fronts of human endeavours. The question worst posed is, what happens to man's untiring efforts and labour after his death? Who takes what and how are his desires and life ambitions met? It was in an effort to find answers to the above questions that the concept of Wills was created in order to help persons to determine what happens to their properties after their death. The Wills Act 1837 is a statute of general application received into Nigeria on 1st January 1900. The Act confers power to those who wish to dispose of their property by Wills by showing them the formalities that the law would recognize for that purpose. The fear of the unknown being one of the limitations of man to as-

pire to higher heights in life becomes ameliorated by making of Wills [1]. The uncertainties of the future and the dangers of dying intestate whereby owners of property rights were unable to indicate on how their affairs could be arranged after their death was attended to. This article examines the meaning and definition of Wills, the importance of making Wills and the curtailment of testamentary freedom in the making of Will in Nigeria

Will is a document by which a person directs on how his or her estate is to be distributed after his death. It is a legal expression of an individual's wishes about the disposition of his or her property after death [2]. It is the disposition of real and personal property of the testator to take effect after his death. In some climes, when disposition is to operate upon personal property, it is sometimes referred to as a testament and when upon real estate, it is called a devise, while the instrument harbouring both the

personal and real estate is referred to as the 'last Will and testament'. Basically, the making of a formal Will bears the feature of a three pronged edifice which involves the person who expresses the wish or intention to make a Will known as the Testator, the person who carries out the expressed wishes for intention known as the Executors/Trustees and finally the person in whose interest the expressed wishes or intentions favours, known as the Beneficiary. Under the English Wills Act of 1837, which by extension, is applicable to Nigeria, certain features or characteristics must be present for there to be a valid Will. Further, it is apposite to state that apart from the formal Wills as defined above, there is also the Customary Will or Nuncupative Will which is not expressed in a document but oral without the necessary formalities to be valid.

Prior to the introduction of the Wills Act of 1837, succession and devolution of property rights under the customary law system in Nigeria was by way of nuncupative Wills. This is oral Will which is unknown to making of Wills under the English Wills Act of 1837. Under the customary law system, the requirement of writing and other formalities necessary in the execution of Wills is unknown [3]. Distribution of estate of the deceased is usually based by the verbal directives of the deceased showing on how his estate is to devolve amongst his heirs. Oral disposition of the deceased estate may be expressed by way of designating his property as a family property for the benefit and enjoyment of members of the family only [4]. This was an issue in the case of *Nelson V Nelson*, where a testator, on his death bed gave his self-acquired property by oral disposition to his eldest son to hold in trust for himself and all the children of the deceased [5]. The deceased may voluntarily make an oral declaration on his death bed in the presence of witnesses which would have a binding force on the members of his family. This directives are usually carried out by the elders and in conformity with the prevailing native law and custom of the deceased person.

Again, in certain developed climes, nuncupative Wills are invalid and where they are partially allowed, the amount that may be allowed to be conveyed is limited by statute, and traditionally limited to personal property as opposed to real property. In view

of the foregoing discourse on the conceptual definition of Wills from both the English Wills and the Nigerian Customary Law perspectives, it may then be safe to define Wills as a legal instrument for the transfer of estate or property rights from the Testator through a medium called the Executors to the Beneficiaries.

Nature and Characteristics of Will

Wills possess certain basic characteristics which distinguished it from other legal documents. One of such fundamental characteristics of a Will is that it is ambulatory. This means that the dispositions made under Wills are subject to amendment or revocation because the testator is still alive and capable of making a new will. In other words, the testator retains substantially the entire control of the property as surely as he lives until death [2]. The import of Wills being ambulatory is to the effect that it is a document made in anticipation of a major occurrence or event. That major event is the death or demise of the testator. The implication is that the Will cannot start to operate even where all necessary formalities have been complied with, until the testator dies. Wills, according to Section 24 of the Wills Act, 1837, are consummated when the testator dies and until that happens, it remains a testamentary instrument which the testator may freely revoke or alter. This major characteristic of Wills is the striking difference between Wills and other similar legal documents such as gift made *inter-vivos* such as *donatio mortis causa* which operates from the time of execution [6]. The testator has the right to revoke, cancel or modify the Will as many times as he pleases before death. He has full power to alter his affairs in accordance with changed circumstances resulting may be, due to new information or good fortune which may have come his way after making his first Will.

The Legal Capacity to Make Wills

Similar to the general law, and by the provisions of Section 7 of the Wills Act 1837, the testator must be twenty-one years of age to possess the capacity to make a Will. However other Wills Law of various states of the Federation prescribe different ages for which a testator is required to attain to be qualified to make Wills. Where a testator lacks the requisite age, any Will made by him shall be invalid. However, by virtue of section 11 of the Wills Act 1837 and

section 6 of the Wills Law of Lagos State, where the testator is an infant soldier in active military service or a mariner or seaman in the sea or crew of commercial airline being at sea or in the air, he could make a Will. This is an exception to the general rule in view of the exigencies and nature of their work whereby these persons are allowed to execute a privileged Will. In other words, it was recognised that the Wills of certain classes of persons needed to be given preferential treatment so that they are not denied of their rights to dispose of their properties in accordance with their wishes in times of imminent danger or death. It may however be proper to mention that under the common law, certain categories of persons are also forbidden to make Wills and dispose land. Infants and lunatics were incapable of making Wills under both the customary and the general law. Nonetheless, the word “infants” does not accommodate all shades of people under the age of twenty-one years because in customary law, majority or adulthood is not determined as per the number of years attained but by the age of puberty which varies from individual to individual [7].

Again, under the customary law, a lunatic cannot make a Will while under the general law, a person suffering from mental disorder can make a Will at lucid intervals if he possesses the mind sufficiently active to appreciate the nature of the transaction in which he engages, the extent of his own property, the objects of his bounty armed with sufficient judgment and understanding which is free from pressure and undue influence [7]. The testator must understand, appreciate and vividly recollect the persons he wants to benefit or those who should take benefits of his property called the beneficiaries and the way he wants the property to be shared amongst his beneficiaries.

Curtailement of Testamentary Freedom to Disposition of Property in Nigeria

One of the colonial statutes which operated as a statute of general application throughout Nigeria was the Wills Act 1837. The Act empowered testators to dispose of their properties, whether real or personal property in accordance with their wishes. At its reception in Nigeria as a statute of general application, any native law which was incompatible with the Wills Act of 1837 was unenforceable while

the provisions of the Act prevailed. By then, a testator had the right to dispose of his property irrespective of any incumbrance with the native law and custom on the property [8].

The unfettered power of testators to make Wills in accordance with their wishes was provided in section 3 of the Wills Act 1837. By virtue of this provision, there was no limitation upon the freedom of the testator. The testator could by testamentary disposition under the Act, decide the course of inheritance and the pattern of succession at customary law [9]. The Wills Act 1837 did not provide for the consequences of any incompatibility with customary law, hence testamentary dispositions could be made regardless of limitations imposed by customary law [9]. One of the Chief aims of making Wills is to allow owners of property the right to indicate on how their affairs on their death could be arranged.

However, the position as stated above was altered, for the first time, in Nigeria, when local legislation on the law of Wills took into consideration local situations in the testamentary freedom of persons wishing to dispose of their properties through the making of Wills. The curtailment of testamentary freedom was first introduced in Nigeria by the ingenuity of legislators in the former Western Nigeria when in 1958, the legislators passed a domestic Act of parliament to replace the Wills Act of 1837 in that region. In carrying out the legislative task, the Wills Law of the former Western region was enacted with obvious amendments contrary to the Wills Act of 1837. It is believed that the principal aim of the amendment is to ensure the observance of customary law in the exercise of testamentary freedom in the making of Wills. It is to ensure that, devise, bequests or dispositions under the Will should not be inconsistent with customary law and must be governed and controlled by customary law. The principal or major phrase that altered the previous state of affairs, thereby curtailing the testamentary freedom of persons was the insertion of the phrase “subject to the customary law relating thereto”.

It may be trite to mention that by virtue of the insertion of the phrase “subject to customary law relating thereto” to section 3 of the Wills Law, it becomes obvious that the Wills Act of 1837 and the Wills Laws are no longer the same but distinct in-

struments regulating the making of Wills in Nigeria. The effect of the amendment of section 3 of the Wills Law is that, the phrase “subject to customary law relating thereto” clearly and unequivocally renders the capacity to make, devise, bequeath any disposition by Will subject to customary law and thus curtailed the testamentary freedom of testators in the States now constituting the former Western region.

Curtailment by Application to Court by Family Members and Dependants

Under the Wills Law of Lagos State, a testator lacks the testamentary freedom to disinherit any of his family members or dependants of the benefits of his estate as the case may be. This is a clear departure from the Wills Act 1837 whereby a testator possesses the testamentary freedom to disinherit anyone in accordance with his wishes. By virtue of Section 2 of the Wills Law of Lagos State, where a person dies and is survived by either a wife or wives or husband, child, children whom he did not make any provision for in his Will, such a person or those persons may apply to the court for an order on the ground that the disposition of the deceased estate affected by his Will is not such to make reasonable financial provision for the applicant (s). The application must be brought within six months of the date of probate. It is believed that this provision was imported from the Inheritance (Family Provision) Act of the United Kingdom 1938. Where the testator fails to make reasonable financial provision for the maintenance of a dependant, the court may grant an order for payment to be made to that person for his or her maintenance [6]. It is however apt to note that what is reasonable financial provision is subject to the applicant’s lifestyle. Again, the testator may pre-empt the foregoing situation by stating in a separate document the reasons for his failure to provide for such dependants in his Will. However, for such reasons to be capable of disentitling a family member or dependant it must be cogent and satisfying to desuade the courts who are usually prepared in granting such applications. While the philosophy behind the provision is understandable, which is essentially made to protect the disappointed dependants particularly in the spirit of African extended family system and communal lifestyle, it is important to note that it is a grave incursion to the testamentary freedom of testators to

decide on how they want their affairs to be arranged or regulated after they have died.

Curtailment of Testamentary Freedom by Moslem Law in the North

Moslem Law is regarded as customary law by virtue of section 2 of the Native Courts Law of the Former Northern Nigeria, which provides that “native law and custom includes Moslem Law”. It is apt to note that the making of Wills is not totally strange to Moslem law unlike the position under the indigenous customary law where nuncupative Wills and intestacy holds sway. The Moslem law recognized the power of Moslems to make Wills. Originally, such voluntary dispositions were ordained specifically for and limited to charitable purpose, usually for the benefit of persons who were not entitled as of right to inherit upon intestacy [10]. A strict limit was therefore imposed upon the power of testamentary disposition. For instance, the permissible quantum of bequeaths is restricted to $\frac{1}{3}$ of the net estate, of property. After the payment of the liabilities and funeral expenses of the testator, no one entitled to take under Islamic rules of inheritance may receive any bequest where the estate is finally distributed [10]. The point being made from above is that, the testamentary freedom in the making of Wills by Moslems in Nigeria is curtailed by Islamic law as no Moslem testator is qualified to give out more than $\frac{1}{3}$ of the Estate under the Islamic rules of inheritance. Secondly, a natural heir cannot be a beneficiary under a Will except where the other natural heirs unanimously agreed to such devise. The leading case in this subject on whether or not a Moslem testator in one of the Northern States in Nigeria could make a Will pursuant to the Wills Act 1837 being a statute of general application, is found in the case of *Timothy Adesubokun V Rasaki Yinusa* [11].

Position in the Eastern Nigeria of Testamentary Freedom

However, it is observed that the curtailment of testamentary freedom encountered in the Western and Moslem North of Nigeria does not present itself in the Eastern part. This is because the Wills Act of 1837 is accepted as a statute of general application incorporated into the domestic law by the relevant High Court Laws of the different States that

make up the Eastern part of Nigeria. In other words, the Eastern States are taking the full benefits of the Wills Act of 1837 as it ought to be applied [1]. The full testamentary capacity is enforced while any testator of full capacity and of a sound mind has the freedom to dispose of his property according to his wishes pursuant to the provisions of the Wills Act notwithstanding the provisions of the customary law. He could by his Will disinherit his own first son or do whatever he wishes apart from matters that offend public policy.

Other Jurisdictions

Almost all the states in America allow individuals to disinherit their descendants for any reason or no reason at all. Testators are given free testamentary powers to exercise their wishes in the distribution of their bounty. The reason for this may not be far-fetched. America is one of the leading democracies in the world where the respect for human rights is highly recognized and practiced. It is partly believed in most states in America, that the exercise of unrestricted testamentary powers of testators maximizes the testator's happiness, gives incentives to work, save and invest on what is socially optimal [12]. It is the view that capital accumulation and long-term productivity is encouraged in line with benefits for familial relationship by increasing parental controls over children or encouraging children to care for their parents [12]. The highlighted points and others informed the major reasons why full testamentary powers are allowed in most of the developed western jurisdictions. In the foregoing jurisdictions, testamentary powers are not restricted based on customary law, religion or on grounds of meeting the demands of dependants as obtainable in Nigeria. Restriction could only be made where private documents such as Wills intersect with public policy [13].

Justification for Curtailment of Testamentary Freedom in Nigeria

Eminent scholars have argued that the Wills Act 1837 has ceded much control to the dead and must be inquired into [14]. Where the bequest is capricious or frivolous, it becomes justifiable for the law to interfere with the testator's testamentary powers. In the Nigerian social environment where the absence of social security services are perennial, and in

the face of abject poverty, and multifarious infirmities confronting the populace, it becomes apparently justifiable for the statute to interfere to ensure that those common values that affect the welfare and bonding of the society are maintained. So, in view of the Nigerians socio-economic realities where poverty, illiteracy and the extended family system are prevalent, as against the Western individualistic lifestyle, the justification for the curtailment of testamentary freedom becomes a *sine qua non* in order to meet the demands of the society. Besides, the extent to which the Wills Act should facilitate the wishes of the dead should essentially belong to the living.

Conclusion

The principle behind the making of Wills under the Wills Act of 1837 is to give full testamentary powers to persons to dispose of their properties in accordance with their wishes. With the amendment of section 3 of the Wills Law of Lagos State 2003 and other similar Wills Laws of the other States in the West, the provision of section 3 of the Wills Act of 1837 has been altered thereby curtailing the testamentary freedom of persons wishing to dispose of their properties in whatever way they wished. Person, in the affected States presently only dispose of, by Will, any property which he owns only subject to customary rule of inheritance. Where he disposes a property which is a subject of customary rule of inheritance, the disposition will be nullified on the ground that it violated the provisions of section 3 of the Wills Law of the affected State.

Recommendations

The authors recommend that

- 1) In straight forward cases where the testator has a direct line son or daughter depending on the kinship system in vogue in that part of Nigeria, the will Act of 1837 could apply.
- 2) In a situation where the customary law of the kinship system is inconsistent with the testamentary freedom in the making of the wills, the customary law should prevail thus making the testator's opinion irrelevant.
- 3) With due respect to the will of 1837, the culture of any of the 372 Ethnic Nationalities in Nigeria [14] recognises inheritance mainly by primogeniture and it should be so allowed in order to reduce schisms and outright family quarrel.

References:

1. Afangideh, P. T. 2001. Wills probate and Estate administration in Nigeria and the Communication Calabar: Ciligate Publishers.
2. Bryan A. Garner 2009 Blacks Law Dictionary 9th Edition. Texas: West Publishing Company.
3. Sagay J. 2006, Nigeria Law of Succession. Lagos: Malthause Press Ltd.
4. Smith, J. O. 2013 Practical Approach to Law of Real Property in Nigeria. Lagos: Ecowatch Publication Nigeria Ltd.
5. 1951 13 WACH 243 (West African Court of Appeal).
6. Imhanobe, S. O. 2010 Legal drafting and conveyancing. Abuja: Rehobot Publishing 3rd Edition. P. 592.
7. Oluyede, P.A. 1978, Nigeria Law of Conveyancing Ibandan: Ibandan University Press 967.
8. Adesubokan V. Yunusa (1971) I All Nigeria Law Report 225.
9. Per Karibi Whyte in Idehen V Idehen 1991 Nigerian Weekly Law Report. (pt 198) 382 at P. 416.
10. Mosugu, S. E. 1972 Moslem Wills and the Courts in Nigeria. NJL Law.
11. 1971 NWI. R. 77 Nigerian Weekly Law Report.
12. Kelly, D. B. 2015 Restricting Testamentary Freedom: Exante Versus Export justifications at www.duhaime.org/law, visited 4th Dec.
13. In the estate of Funbeerg, 919 NE 20 (111 2009).
14. Fordham Law Review Vol.82 2013 P. 1182.

Section 4. Family law

*Bisha Eugena,
European University of Tirana,
PhD candidate in law, the Faculty of law
E-mail: eugenabisha@yahoo.com*

The 2008 European Convention on children adoption; the changes it brought different from the 1967 Convention

Abstract: The first European Convention on adoption was signed on April 24, 1967 from 16 countries of the European Union and determined the basic principles in children adoption within the country and abroad, which would become part of the internal law of these countries. As a fundamental principle of this convention we can mention the legal status that it gives to the adopted child, by making him/her equal to the other children of the adopting family. This convention has been signed by 47 states of the European Council. This council has been working for more than 40 years to find balance in between policies, adoption standards and common practices within its member states regarding the filed related to family [1, 11].

Keywords: European Convention on adoption, children, best interes of the child.

The social and legal changes that have happened in Europe in the last decades, brought the need for many member states of the EU to come up with continuous changes in the national law of adoption. The first proposals for the update of the 1967 Convention were given in the First European Conference on Family Law held in Vienna in 1977. The General Directorate gives each year an explanatory report that provides all the data and the new legislation that was achieved by every member state [2, 495]. In the report of the 7 March 2008, according to the committee of the family law, the update of the convention was expected to after The Hague Convention of 1993, which was finalized in 2008. The highlighted issues from the jurisprudence of the European Court of Human Rights, some provisions of the 1967 European Convention on Children Adoption which contradicted the international bodies, the changes in the European Convention of the 25 January 1996 on "Implementing Children Rights" in relation to the inclusion of children in family issues that have to do with them, set into motion the European Council to create a group of experts to revise and update the 1967 Convention,

which was approved by the Council of Ministers in 2008. This council has given e firm contribution in strengthening the protection of the Family Law, especially by protecting the children interest and by particularly urging the creation of e big number of international instruments (Conventions and Recommendations) in this field [3, 11]. The 1967 Convention updated from the 2008 one, is the main tool of the European Council in the field of adoption. It is the main pillar where the legislations of the member states on this field are held. The best interest of the child became the essence of the revised convention [4, 9].

According to article 1 the aim of this Convention is:

1. This convention is applied for the adoption of a child who by the time the adoptive parents apply for his/her adoption has not become 18 years old yet, has not been married, has not been in a recorded cohabitation and has not reached adulthood yet.

2. This Convention covers only the legal institutions of adoption which create permanent parent-child relationship.

This convention conditions the states that ratify it as in their national law of adoption they must allow the adoption of a child from two people of different genders married or in a legally registered cohabitation, as well as single people.

Furthermore, the aim of this convention is to consider the social and legal developments by being held in the European Convention on Human Rights and to keep the best interests for the children as the main priority above all the others [5]. Its target is to harmonize the law of the member states by imposing minimal rules for the adoption process, to establish the main principals like the best interest of the children, the child's approval of the adoption and the right of the child adopted to know his/her origin. These principles were innovative in the revised Convention. The best interest for the child is the most important point it highlights, as it is also mentioned in article 4 paragraph 1. In its preamble, it is displayed the importance of such a revised international instrument, to complement the 1993 Convention of Hague on "Protecting the children and collaborating for the cross country adoption". These two conventions, adjust and cover only legal adoption institutions that create permanent parent-child relationship [6].

The 2008 Convention came up with several changes and new provisions:

- the consent of the child is very necessary if the child can understand the concept of it

- the consent of the mother and father is required in giving the consent for the child adaption

- this convention applies for the heterosexuals couples who are not married but in a legal cohabitation [7].

- the convention gives freedom of action to the states for the case of homosexual couples or couples of the same gender who have a steady relationship

- it sets a balance between the right of the child to know his/her identity and the right of the biological parents to stay anonymous

- the minimal age of the adopter must be 18 to 30 years old and the age difference between the adopter and the child being adopted is preferred to be at least 16 years

- every difference has been eliminated in the revised Convention about whether the child was in or out of the wedlock [8].

While the 1967 Convention has special provisions in relation to the rights of ownership that are in the 2008 one. States are free to widen its purpose and to allow in their legislation the permission of adoption from couples who are married, cohabitate or have stable relationship. The revised Convention significantly improves the procedures of child adoption.

Giving the consent of adoption

Based on the International Law, the child has the right to participate in the decisions that are made for him/her. In the life of a child (being an orphan or abandoned) decisions related to the place where he/she lives and the people he/she/lives with are very important. Therefore, it is important to take into consideration the consent of the child in case of decisions that directly affect his/her life. Considering the enforcement of the legal status of the child from the European Union Convention on Children Rights, the 1996 European Convention on Implementing Children Rights and the 1993 Hague Convention, the consent of the child is now very important if the completely understands it [2, 5].

The convention gives freedom to the states to define in their legislation the age when a child is considered to be able to understand the importance of adoption and for his opinion to be taken into consideration. However, in paragraph b of article 5, the Convention highlights that the age of the child to be able to understand the process of adoption mustn't be over 14. Furthermore, it is important to give the child the possibility to express his/her opinion for issues that have to do with his/her life despite the age (if he/she has reached the age assigned by law). By giving the child the opportunity to express his/her idea about the adoption, it is more likely for him/her to accept his/her adopting parents sooner. However, children are not the decision makers in the adoption process, but they are part of the decision making process by considering their opinions besides of those of the experts [9, 15]. In any case, the child must be informed and aware (as much as his/her age allows it) about the effects of adoption and the adoptive parents. The attitude of the biological parents towards the child that is about to be adopted, is one of the main and most controversial issues of the adoption process [10].

According to the article 5 of the 1967 Convention, it is required the consent of the father of the child born in wedlock, but the consent of the father of a child born out of wedlock is not important. There mustn't be any kind of discrimination towards the father of a child born out of wedlock if the father has declared to be the biological father of the child. In the case of *Keegan against Ireland* on 26 May 1994 and *Kroon against Netherland* on 27 October 1994, the European Court of Human Rights clearly emphasized the importance of having the consent of the father who has declared himself as the biological father of the child.

“The fact that the Irish legislation allowed the decision over adoption to be made in secret, without letting the child know anything about it, without the consent of the applier (father), by allowing a creation of a bond in between the child and the proposed adoptive parents, aiming in this way the adoption of the child, it reached the point when it violated the right of the applicant in respecting family life.” (*Keegan against Ireland*, 1996) Considering this case, the European Court of Human Rights emphasizes the fact that giving a child for adoption (from the mother) after a very short time of being born, not only damages the relation of the child with his father, but also poses disadvantages in his struggle to gain the child custody against the proposed adoptive parents. The judge is less influenced by the social, emotional and biological factors than the legal one, when it comes to decide if the relationship is “family life” or not [11]. However, even if it was only the legal connection, it is enough to create family life defined by article 8. In the case of *Pini against Rumania*, the European Court of Human Rights defines the relationship created between the adoptive parent/parents and the child as reaching the target of article 8 even if this relationship has been yet legally finalized in a cohabitation and there is no emotional bond in between them.

The 2008 Convention requires the father consent in any case. Point c, paragraph 1 of article 5 of the Convention, it is required the consent of the partner of the adoptive parent if they are in a legal relationship. This does not oblige the states to impose in their national legislation the legally registered cohabitation, but it is directed towards those states that already have this in their legislation. The person

who gives the consent must be well-informed about the effect of his/her consent and that he can express his/her opinion freely, in a written legal form of writing. It could be possible not to consider the consent of one of the parents if he/she does not want parental responsibilities on the child. However, this does not exclude the possibility for this parent to be informed about the adoption of the child. According to paragraph 5 of the article 5 of the Convention, the consent from the mother to give her baby for adoption is valid if it is given 6 weeks after the baby has been born, or if the national legislation does not define the period of the time, the competent authorities must take into consideration the fact that the mother needs a specific period of time to recover physically and psychologically after giving birth. In contrast to the general opinion in specific circumstances, every European country has a mechanism to allow the adoption without the consent from the parents [12, 17].

The legal status according to the Convention

The basic effect of adoption is given in article 11 paragraph 1 of the Convention:

“After the adoption the child must be a complete member of the adoptive family and must have the same rights and responsibilities as all the other biological kids in relation to the adoptive parent/parents or family, whose parenthood has been assigned in accordance to the law. The adoptive parent/parents have responsibilities over the child. Being adopted means ending the legal relationship of the child with his/her biological father/mother or family.”

In almost all the states that have a functional adoptive institution, the effects of a complete adoption are the ones mentioned above in article 11. This article aims at substituting article 10 of the 1967 Convention and so he can ensure a modern attitude towards the effects of adoption [13]. In my point of view, inserting modern elements in the 2008 Convention is to be appreciated. The 2008 Convention mainly deals with the complete adoption by highlighting the importance of ending the relationship of the child with the biological family and that the child is to be treated like a biological child from the adoptive parent/parents. Paragraph 4 of article 11 paved the way for the states to include in their legislation other forms of adoption, besides the complete one, and with more limited effects than the

complete one. Our law of adoption does not predict other forms of adoption besides the classic one, or otherwise known in the other states as “the complete adoption”. By other forms of adoption, we understand and mention “the simple adoption” that is exercised in many countries like Italy and France.

By “rights and responsibilities” we understand those with a personal and economic object in between the adopted child and the adoptive parent/parents, and also including the parenthood responsibilities. It is also intended that regarding wealth, food, insurance, maintenance an adoptive child must be treated equal to any other child born in the adoptive family [13, 6].

The 1967 Convention foresees that the adoptive child automatically receives the surname of the adop-

tive family. In contrast to the 1967 Convention, the 2008 one gives to the states the freedom to specify in their legislation the possibility to automatically give the surname to the child or not. As it is also mentioned in the Explanatory Report of the 2008 Convention “... acquisition of the surname from the adoptive child in not an absolute law”. States are free to decide that in certain circumstances, the competent authorities can allow the child not to change the surname or take the one of the adoptive family.

Adoption can be revoked or annulled from the competent authorities. The best interest for the child must always be the highest priority (K. E.B,2008; article 14 paragr.1). The Convention gives freedom to the states to determine cases of revoking the adoption and the procedures to be followed.

References:

1. Council of Europe Achievement in the field of Law, Family Law and the Protection of Children, Secretariat of the Directorate of Human Rights and Legal Affairs (DG-HL), Strasbourg, August 2008.
2. Council of Europe-Explanatory Report to the Draft European Convention on the Adoption.
3. Council of Europe Achievement in the field of Law, Family Law and the Protection of Children, Secretariat of the Directorate of Human Rights and Legal Affairs (DG-HL), Strasbourg, August 2008.
4. Challenges in adoption procedures in Europe: Ensuring the best interests of the child, Joint Council of Europe and European Commission Conference, brochure conference proceedings, 2009, Strasbourg.
5. URL: <http://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/202>
6. Note article 2 paragraph 2 of the 2008 European Convention on Adoption and article 2 of the 1993 Hague Convention.
7. Note article 7 of the 2008 European Convention on Adoption.
8. Note articles 5, 10, 12 of the 1967 Convention) URL: <http://eudo-citizenship.eu/InternationalDB/docs/Explanatory%20report%20CETS%20202.pdf>
9. Dambach Mia, “The child’s consultation and consent in adoption” Challenges in adoption procedures in Europe: Ensuring the best interests of the child, Joint Council of Europe and European Commission Conference, brochure conference proceedings, 2009, Strasbourg.
10. Brian Sloan, The consent of the birth parents to the adoption, Challenges in adoption procedures in Europe: Ensuring the best interests of the child, Joint Council of Europe and European Commission Conference, brochure conference proceedings, 2009, Strasbourg.
11. URL: <http://echr-online.info/right-to-family-life>
12. Claire Fenton Glynn, “Adoption without consent”, Directorate General for Internal Policies, Policy Department C: Citizens’ rights and Constitutional Affairs, Brussels 2015.
13. Lowe N. V., Challenges in Adoption Procedures in Europe, Ensuring the best interests of the child, “The child’s legal status in adoption” 30 November 2009.

*Moiseewa Tatiana Michailowna,
Lomonossow-Universität Moskau,
Aspirant, Juristische Fakultät
E-mail: mtatiana@mail.ru*

Rechtsstand der Ehegatten — Bezieher der Wohnraumrente im russischen Recht

Abstrakt: Im Artikel wird der Rechtsstand der Ehegatten — der Bezieher der Wohnraumrente betrachtet, es werden auch die Lücken in der geltenden Zivil- und Wohnungsgesetzgebung für den gemeinsamen Aufenthalt der Familienangehörige mit dem Bezieher der Rente analysiert.

Stichwörter: Gemeinschaftsbesitz des Eigentums der Ehegatten, Ehegatten — Bezieher der Rente, Wohnraum, Wohngemeinschaft mit dem Bezieher der Rente.

Die Heimbedürftigkeit ist eines der alltäglichen Probleme der modernen russischen Gesellschaft. Eine am meisten verbreitete Rechtsform der Befriedigung des Bedürfnisses nach dem Wohnraum ist das Eigentumsrecht auf den Wohnraum. Jedoch wird in der Praxis immer öfter solche juristische Konstruktion, wie das Wohnrecht aufgrund des Vertrags der Rente, verwendet. In der geltenden Redaktion des Zivilgesetzbuches der Russischen Föderation (weiter — ZGB der RF) realisieren sich die Rentenrechtsverhältnisse in Form vom Dauerrentenvertrag (Art. 598 des ZGB der RF), Leibrentenvertrag (Art. 596 des ZGB der RF) und lebenslänglicher Pflegevertrag mit der materiellen Sicherstellung (Art. 601 des ZGB der RF). Eine Besonderheit dieser Gruppe der Verträge ist, dass der Bürger — der Bezieher der Rente die ihm zugehörigen Wohnhaus/Wohnung/Grundstück oder andere Immobilien ins Eigentum des Zahlers der Rente übergibt, der sich verpflichtet, die lebenslänglicher Pflege mit der materiellen Sicherstellung des Bürgers und (oder) der davon angegebenen dritten Person (Personen) zu verwirklichen.

Die Bezieher der Rente können sowohl die Bürger (Leibrente, lebenslänglicher Pflege mit der materiellen Sicherstellung) als auch die nichtkommerziellen Organisationen (Dauerrente) sein. Außerdem, als Bezieher der Rente können manche Personen gleichzeitig auftreten. Insbesondere können die Bezieher der Rente sein: 1) der ehemalige Eigentümer (oder die Eigentümer bei der Übereignung von Vermögenswerten, zustehend als Gesamthandigentum); 2) die dritte Person (oder) Personen; 3) der

ehemalige Eigentümer und die dritte Person [1, 8]. In diesem Zusammenhang kann man über die Mehrheit der Personen — der Bezieher der Rente sprechen. Es ist auch zu bemerken, dass in der Literatur es die Meinung besteht, dass als Bezieher der Rente, und vor allem der Leibrente, nicht nur die bejahrte Alleinstehende, sondern auch die bejahrten Ehepaare meistens auftreten [2]. In diesem Zusammenhang entsteht die Frage: ob die Ehegatten die Bezieher der Leibrente sein können? Die Analyse der geltenden Gesetzgebung lässt zu, auf die vorliegende Frage positiv zu antworten, da ausgehend vom Inhalt der Art. 34 des Familiengesetzbuches der Russischen Föderation, das Eigentum, einschließlich Immobilien, das von den Ehegatten während der Ehe erworben ist, ihr Gesamthandigentum ist, über das sie nach eigenem Ermessen verfügen können. So, zum Beispiel, wenn die Ehegatten während der Ehe als Gesamthandigentum die Wohnung oder das Wohnhaus erworben haben, so sind sie berechtigt, dem Zahler der Rente diese Wohnung oder das Wohnhaus ins Eigentum laut dem Leibrentenvertrag oder dem lebenslänglichen Pflegevertrag mit der materiellen Sicherstellung zu übergeben. Nach solchem Vertrag wird der Zahler der Rente ein Rechtstitelinhaber des Eigentümers des Wohnraumes, der Rentenverpflichtungen belastet ist, und die Ehegatten — die Bezieher der Rente erwerben den Titel der Benutzer des Wohnraumes. So kann das Wohnungsgebrauchsrecht, entstehend aufgrund des Vertrags der Leibrente oder des lebenslänglichen Pflegevertrags mit der materiellen Sicherstellung, zu dem Gesamthandigentum der Ehegatten gehören.

Hier muss man auch andere Situation betrachten, wenn das Recht der Benutzung des Wohnraumes, gewährt laut dem Vertrag der Leibrente oder dem lebenslänglichen Pflegevertrag mit der materiellen Sicherstellung, nur einem der Ehegatten gehört. Solche Situation ist möglich, falls der Wohnraum, der laut dem Vertrag der Leibrente übergeben ist, befand sich im Privateigentum eines der Ehegatten, und andere Ehegatte, als des Familienangehörigen des Eigentümers des Wohnraumes, nur das Recht der Benutzung dieses Wohnraumes hatte. Ausgehend davon, ein Empfänger der Rente des Wohnraumes wird jener Ehegatte, der ein Bezieher des Wohnraumes war. Somit, nach der Meinung von W. S. Jem, „die Rechte des Beziehers der Leibrente sind unübertragbar, da sie mit seiner Personalität unzertrennlich verbunden sind“ [3], und deshalb solche Rechte sind ein persönliches Eigentum des Ehegatte.

Auch muss man darauf bezeichnen, dass der Vertrag der Leibrente und der lebenslängliche Pflegevertrag mit der materiellen Sicherstellung Zeitverträge sind, da sie mit dem Tod des Beziehers der Rente aufhören. So kann laut dem Teil 1 der Artikel 596 des ZGB der RF die Leibrente für den Lebensspanne des Bürgers, der das Eigentum zu der Auszahlung der Rente übergibt, oder für den Lebensspanne des anderen bei ihm angegebenen Bürgers bestimmt sein. Dabei wenn die Bezieher der Leibrente beider Ehegatten sind, so bleibt im Falle des Todes einen von ihnen das Recht der Benutzung des Wohnraumes bei anderem Ehegatte erhalten, und der Zahler der Rente ist verpflichtet, den Unterhalt schon in Bezug auf einen der Ehegatten — des Beziehers der Rente zu verwirklichen.

In Anbetracht einer bestimmten sozialen Ausrichtung des Rechtes der Benutzung des Wohnraumes, der laut dem Vertrag der Leibrente oder dem lebenslänglichen Pflegevertrag mit der materiellen Sicherstellung gewährt ist, existieren bestimmte Besonderheiten des Rechtes der Benutzung des Wohnraumes, die mit den Rentenverpflichtungen beschwert ist. So, ausgehend vom Inhalt der Art. 34 des Wohnungsgesetzbuches der Russischen Föderation (weiter — WGB der RF), benutzt der Bürger, der im Wohnraum aufgrund des Vertrags der Leibrente oder des lebenslänglichen Pflegevertrag

mit der materiellen Sicherstellung wohnt, solchen Wohnraum zu den Bedingungen, die vom Artikel 33 des WGB der RF vorgesehen sind, soweit nichts anderes vom lebenslänglichen Pflegevertrag mit der materiellen Sicherstellung nicht bestimmt ist. Laut dem Teil 1 der Art. 33 des WGB der RF benutzt der Bürger den Wohnraum gleichberechtigt mit dem Eigentümer des gegebenen Wohnraumes. Entsprechend können auf den Bezieher der Rente die Regeln verbreitet sein, die von Art. 17 des WGB der RF und dem Punkt 3 der Art. 288 des WGB der RF vorgesehen sind. Insbesondere handelt es sich darum, dass der Wohnraum über die strikt Zweckverwendung verfügt — es soll ausschließlich für den ständigen persönlichen Aufenthalt verwendet werden, deshalb der Hauptinhalt des Rechtes der Benutzung des Wohnraumes vom Bezieher der Rente besteht im Recht des persönlichen Aufenthaltes in diesem Wohnraum. Dabei ist es zu bemerken, dass das Recht der Benutzung des Wohnraumes des Beziehers der Rente nicht nur vom Recht des persönlichen Aufenthaltes darin beschränkt wird. Er ist wie auch der Eigentümer des Wohnraumes berechtigt, das allgemeine Eigentum im Mehrfamilienhaus, zum Beispiel, von den Interwohnungstreppenabsätzen, den Treppen, den Aufzüge, den Korridoren, den Dachböden, den Kellern und anderen Räumen zu benutzen (Art. 36 des WGB der RF). Hier ist es zu bemerken, dass, sich nach der allgemeinen Regel, die Rechte der Benutzung des Wohnraumes vom Bezieher der Leibrente und auf die Ehegatten — den Bezieher der Rente auch erstrecken, das heißt sind sie persönlich berechtigt, im Wohnraum zu wohnen, sowie, auf gleichem Fuß mit dem Eigentümer des Wohnraumes das Gesamthandsvermögen im Mehrfamilienhaus zu benutzen. Jedoch ist in der geltenden Zivil- und Wohnungsgesetzgebung die Frage darüber, ob der Ehegatte — der Bezieher der Rente solches Recht des Aufenthaltes dem Familienangehörigen, zum Beispiel, dem Ehegatte zu gewähren kann, nicht erledigt. Mangels der Rechtsnorm, die vorliegende Frage entscheidet sich ausschließlich im Rahmen der Vereinbarung zwischen dem Zahler der Rente und dem Bezieher der Rente. Insbesondere kann das Recht des persönlichen Aufenthaltes des Familienangehörigen des Beziehers der Leibrente unmittelbar im Vertrag der Leibrente oder

dem lebenslänglichen Pflegevertrag mit der materiellen Sicherstellung, oder im abgesonderten Abkommen zwischen dem Zahler der Rente und dem Bezieher der Rente, das wie in mündlich, als auch schriftlich aufgemacht sein kann, vorgesehen sein.

In Anbetracht der Tatsache, dass die Bezieher der Leibrente die einsamen bejahrten Bürger in der Regel sind, die nicht nur die Sorge und die Pflege, sondern auch den erhöhten Schutz brauchen, der Gesetzgeber hat bestimmte Garantien vorgesehen, falls das Recht des Beziehers der Rente verletzt sein wird. So ist im Teil 2 der Artikel 605 des ZGB der RF die Regel vorgesehen, laut der, im Falle des Verstoßes vom Zahler der Rente der Verpflichtungen, der Bezieher der Rente berechtigt ist die Rückgabe des immobilien Eigentums, das in die Versorgung des lebenslänglichen Pflege übergeben ist, oder der Auszahlung ihm des Rückkaufswerts zu fordern. Außerdem, laut dem Teil 1 der Art. 604 des ZGB der RF, ist der Zahler der Rente berechtigt das immobile Eigentum, das ihm in die Versorgung des lebenslänglichen Pflege übergeben ist, zu verpfänden oder anderer Weise zu belasten, nur mit vorläufigen Einverständnis des Beziehers der Rente. Das Vorhandensein solcher Forderungen dienen zu einer bestimmten Garantie des Schutzes der Eigentumsinteressen des Beziehers der Rente, was, sicherlich, dafür spricht, dass das Recht der Benutzung des Wohnraumes aufgrund des Vertrags lebenslänglichen Pflegevertrag mit der materiellen Sicherstellung über die größere „Stabilität“ verfügt [4, 149], im Vergleich, zum Beispiel, mit dem Recht des Aufenthaltes im Wohnraum, der auf Grund der Erbschaftsvermächtnis ge-

währt ist. Die Ausnahme ist das Eigentumsrecht auf den Wohnraum, da es die ganze Triade der Bevollmächtigungen einschließt.

Neben den Rechten und den Garantien auf die Bezieher der Rente werden bestimmte Pflichten auferlegt. So trägt der Bezieher der Rente zusammen mit dem Eigentümer des Wohnraumes solidarische Verantwortung nach den Verpflichtungen, die aus der Benutzung des Wohnraumes folgen, sofern nichts Gegenteiliges vom Abkommen oder dem Vertrag vorgesehen ist (Teil 2 der Art. 34 des WGB der RF). Insbesondere soll der Bezieher der Rente des Wohnraumes solchen Wohnraum bestimmungsgemäß verwenden, seine Unversehrtheit sichern und den Wohnraum im ordnungsmäßigen Zustand erhalten. Die ähnlichen Regeln gelten auch für die Ehegatten — die Bezieher der Wohnraumrente.

Die Forschung des Rechtsstandes der Ehegatten — der Bezieher der Wohnraumrente schließend, ist es zu bemerken, dass die Gründung des Entstehens des Rechtes der Benutzung des Wohnraumes der Vertrag der Leibrente oder der lebenslängliche Pflegevertrag mit der materiellen Sicherstellung ist. Die Rechte und die Garantien der Bezieher der Renten, die in der geltenden Gesetzgebung vorgesehen sind, sind auf den Schutz der Eigentumsinteressen der Bezieher der Rente vor allem gerichtet. Jedoch existiert in Bezug auf die Recht des gemeinsamen Aufenthaltes des Beziehers der Rente und seine Ehegatte, über solches Recht nicht verfügend, die Rechtslücke, die ernste juristische Einschätzung und die Regelung in der Rechtsanwendungspraxis fordern.

Referenzen:

1. Leonowa G. B. Der lebenslängliche Pflegevertrag mit der materiellen Sicherstellung. (Anfang)//Gesetzgebung. – M., 1999. – № 8. S. 8.
2. Krascheninnikow W. P. Wohnrecht. Lehrbuch. – M., 2010. [Elektronischer Ressource]./Internet-Ressource der Webseite der Auskunfts-Rechtsverfassung Consultant Plus. Zugriffsart: <http://civil.consultant.ru/code/>
3. Jem W. S. Rentenvertrag//Zeitschrift des russischen Rechtes. 2010. № 6. [Elektronischer Ressource]//Internet-Ressource der Webseite der Auskunfts-Rechtsverfassung Consultant Plus. Zugriffsart: <http://civil.consultant.ru/code/>
4. Rachwalowa M. N. Das Recht der Benutzung des Wohnraumes aufgrund des Vertrags der Leibrente (der lebenslänglichen Pflege mit der materiellen Sicherstellung)//Anzeiger der Omsk Universität. Serie „Recht“. 2008. № 3 (16). S. 149.

Section 5. Criminal trial

Spiridonova Alina Olegovna
Russian State University of Justice, Voronezh, Russia
graduate student, Department of Criminal Procedure Law
E-mail: aileen.heute@gmail.com

Historical retrospective of formation and development of the “plea bargaining”

Abstract: The article examines the historical aspects of the formation of the pre-trial cooperation agreement. The author conducts a retrospective and comparative analysis, which allows identifying the particular pattern of the institution in different time eras in different countries.

Keywords: criminal procedure law, pre-trial cooperation agreement, the trial, criminal punishment, the investigation, the prosecutor, the consequences of the crime.

Спиридонова Алина Олеговна,
Российский государственный университет правосудия,
г. Воронеж, Россия,
магистрант кафедры уголовно-процессуального права
E-mail: aileen.heute@gmail.com

Историческая ретроспектива становления и развития «сделок с государством»

Аннотация: В статье рассматриваются исторические аспекты формирования института досудебного соглашения о сотрудничестве, проводится ретроспективный и сравнительный анализ, позволяющий выявить закономерность особенности данного института в различных временных эпохах в различных странах.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, досудебное соглашение о сотрудничестве, судебное разбирательство, уголовное наказание, следствие, прокурор, последствия преступления.

До XVIII века доминирующим типом судопроизводства в общем праве являлся суд присяжных. Судебные разбирательства без участия защитника проводилось так быстро, что в досудебном соглашении о сотрудничестве не было необходимости.

Позднее, после совершенствования судопроизводства в сторону состязательности, а так же после принятия закона о необходимости доказательства вины, проведение судебных заседаний с участием коллегии присяжных затрудились

и сделалось неосуществимыми в качестве стандартной диспозитивной процедуры.

Ряд факторов, в том числе и случайных, склонил стандартную для общего права XIX века процедуру к рассмотрению колоссального количества дел в порядке досудебного признания вины [1, 9–12].

Современная статистика является наглядным примером: на сегодняшний день в одной только Америке около 90% уголовных дел разрешается с применением данного института, именуемо-

го «делкой о признании вины» или «делкой с правосудием».

С целью исторического исследования, не будет лишним подчеркнуть некоторые существенные особенности современной системы сделки о признании вины.

1) Сделка о признании вины является процедурой досудебного типа.

2) В ходе своего исторического становления данная процедура нарушала конституционное положение, провозглашающее, что «каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона» [2].

3) Для того чтобы «вытеснить» данное положение и ввести новую, досудебную процедуру, были созданы такие условия, что для обвиняемого стало невыгодным требовать его законное право на слушание судом присяжных. Когда суд присяжных выносил обвиняемому приговор, его наказывали дважды: «первый раз за преступление, второй — более строго, за обладание правом на рассмотрение дела коллегией присяжных. Данные меры должны были производить сдерживающий эффект, дабы отговорить других подсудимых от притязаний на свое право рассмотрения дела судом присяжных» [3, 261–262].

4) Данная досудебная процедура имеет так же серьезные недостатки. В частности, обвиняемый не имеет права на защиту, следовательно, его вина считается доказанной, не подвергаясь разумным сомнениям — главной гарантии против ошибочного осуждения. Так, Т. Линч считает, что «применение «сделки с правосудием», действительно, ускоряет судебное разбирательство, но делается это «неконституционными способами» [4, 17–19]. Его мнение разделяет М. Кинсли, отмечая, что «создав такой вариант, американская система подталкивает невиновных сознаваться в том, чего они не совершали» [5].

Традиционно считается, что первые свидетельства применения досудебного соглашения о сотрудничестве были зафиксированы в сред-

невековой Британии и относились примерно к восемнадцатому веку. Именно в те времена появилось понятие, именуемое «апелляцией раскаявшегося». Данное понятие не соответствовало современному пониманию досудебного соглашения о сотрудничестве, но являлось его прототипом. Во времена действия «апелляции раскаявшегося» высшая мера уголовного наказания предусматривалась за целый ряд уголовных преступлений, среди которых были не только убийства или другие тяжкие деяния, но и кражи. Так, преступник мог избежать смертной казни, если соглашался «сотрудничать с правосудием» и предоставлял информацию о преступлениях, совершенными другими людьми или же способствовал непосредственному раскрытию данного преступления. К сожалению, очень скоро обнаружили серьезные недостатки этой практики: все чаще преступники стремились избежать уголовного наказания путем оговора невиновных людей или предоставляя ложную информацию.

Досудебное соглашение о сотрудничестве в том виде, в котором оно существует сегодня, появилось в конце XIX века в США.

Правовая система США относится к англосаксонской правовой традиции, а значит, подвергалась значительному влиянию английского права. Именно под этим влиянием была сформирована значительная роль прецедента.

Основной целью англо-саксонского уголовного процесса являлось беспристрастное разрешение разногласий, возникающих между противостоящими в процессе сторонами. При том установление истины, выяснение всех фактических обстоятельств случившегося являлись лишь второстепенной целью, необходимой только для того, чтобы справедливо разрешить спор. То есть в случае, когда одна из сторон отказывается от «состязательного» процесса, суд не ищет истину, не выясняет фактические и юридические обстоятельства дела, иными словами не рассматривает дело по существу. Напротив, тот факт, что обвиняемый признает свою вину, является детерминирующим фактором, позволяющим судье назначить уголовное наказание без проведения судебного следствия.

Очевидна прямая связь досудебного соглашения о сотрудничестве и «апелляции раскаявшего-

гося». Для обоих явлений характерна стандартная схема: обвиняемый признает вменяемую ему вину и подвергается последующему ей наказанию в обмен на смягчение квалификации дела, уменьшение объема наказания или же исключение части эпизодов обвинения.

Благодаря своей эффективности «сделки с правосудием» были признаны судом «важным компонентом правосудия». По мнению Б. Стефаноса, основными причинами формирования института досудебного соглашения о сотрудничестве являются присущие ему качества, такие как «скорость, стоимость, автономия воли, точность и определенность» [6, 32]. Сделки с правосудием» получили одобрение Верховного суда, в целях недопущения дополнительного увеличения расходов судебного бюджета и штата судей в случае полномасштабного рассмотрения дела судом.

В современной мировой практике применения досудебного соглашения о сотрудничестве известно два типа подобных сделок. Согласно статистике, на сегодняшний день наиболее распространен тип сделок, основанный на договоре с прокуратурой, посредством которого, как уже было сказано ранее, решается свыше 90% уголовных дел по всему миру, в частности и в США.

Сущность такого вида сделок заключается в том, что вследствие признания своей вины обвиняемым, изначальный объем вменяемого ему обвинения видоизменяется. Обвиняемый получает лишь часть наказания, которое бы получил, если бы его вина была установлена в ходе судебного разбирательства при полном рассмотрении дела. Заключение такой сделки носит добровольный характер. Сделка может быть предложена любой из сторон, условия обсуждаются обвиняемым и прокурором так, чтобы были максимально учтены интересы сторон, после чего судья утверждает или отказывает в утверждении сделки в открытом судебном заседании. Примечательным фактом и обязательным условием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является то, что предметом сделки не может быть ухудшение положения обвиняемого.

Помимо упомянутого существует второй тип сделки, сущностью которого является изменение статуса обвиняемого в статус свидетеля обви-

нения. В том случае, если обвиняемому грозит длительное тюремное заключение, притом ввиду обстоятельств не представляется возможным уйти от наказания, в ход идет имеющаяся у него информация, способствующая раскрытию и расследованию преступлений, а так же изобличению лиц их совершивших. В обмен на это обвиняемый получает так называемый «прокурорский иммунитет», а вместе с тем полное или частичное освобождение от уголовной ответственности. Сам же обвиняемый, являющийся отныне свидетелем, попадает под программу защиты свидетелей. Как правило, сделки такого типа держатся в строжайшей тайне.

Сделки такого типа в большей степени имеют сходство с «апелляцией раскаявшегося». В настоящее время даже появился феномен «войны компроматов», заключающийся в том, что люди, имеющие проблемы с законом сознательно собирают, а иногда даже покупают, как можно больше информации о преступлениях, чтобы в критический момент, когда они попадут под обвинение, обменять эту информацию на полное или частичное освобождение от преследования.

Хотя институт досудебного соглашения о сотрудничестве возник под влиянием английского права, и имеет англосаксонское происхождение, так же ему удалось найти применение и в практике уголовно-процессуальных систем континентальной Европы [7, 36].

Так в Германии появился аналог данного института, называемый «уголовно-процессуальным соглашением». Данное соглашение является официально признанным, хотя и не имеет под собой достаточной законодательной базы. Основным его назначением является «разгрузка» уголовной юстиции.

Система уголовного судопроизводства в Испании использует так называемый институт «согласия», в соответствии с которым, в обмен на признание вины, сторона обвинения направляет в суд ходатайство о назначении наказания на срок, не превышающий шесть лет лишения свободы. В этом случае суд имеет право назначить наказание, согласованное сторонами, без проведения судебного разбирательства в полном объеме.

Уголовно процессуальная система Италии во многом переняла опыт использования досудебного соглашения о сотрудничестве у США: в обмен на информацию, способствующую раскрытию и расследованию преступлений, а так же изобличению лиц их совершивших, обвиняемый может рассчитывать на смягчение наказания.

Во Франции и Эстонии данный институт существует в ограниченном виде. Так во Франции прокурор может предложить обвиняемому заключить сделку только в случае, если было совершено незначительное преступление, в обмен прокурор будет требовать наказание, не превышающее одного года заключения. В Эстонии заключение «сделок с правосудием» возможно в том случае, если наказание за совершенное преступление не превышает четырех лет лишения свободы.

Считается, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве в отечественной системе уголовного судопроизводства обладает относительной новизной. Закон, которым в РФ был введен данный институт, вступил в силу 14 июля 2009 года.

Однако же если обратиться к тексту Судебных уставов 1864 г., принятых императором Александром II, можно увидеть следующее положение: «Если признание подсудимого не возбуждает никакого сомнения, то суд, не производя дальнейшего исследования, может перейти к заключительным прениям» [8]. Конечно, данное положение нельзя в полной мере назвать досудебным соглашением о сотрудничестве, но нельзя не отметить определенные черты, характерные для «сделки с правосудием».

На сегодняшний день в законодательстве закрепляется следующее определение исследуемого института: «Досудебное соглашение о сотруд-

ничестве — соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения» (п. 61 ст. 5 УПК РФ).

В качестве основной цели рассматриваемого института в практике российского уголовного процесса детерминируется стимулирование положительных посткриминальных поступков обвиняемого, что предусматривает определенные положительные для данного лица материальные и процессуальные последствия рассмотрения уголовного дела в порядке, предусмотренном гл. 40.1 УПК РФ. Кроме того, сторона обвинения в лице прокурора также рассчитывает на определенный положительный эффект согласительной процедуры, который заключается в получении значимой для предварительного расследования информации, способствующей раскрытию и расследованию преступления, розыску имущества, добытого преступным путем [9].

Таким образом, изучая историю создания и развития института досудебного соглашения о сотрудничестве, можно наглядно проследить каким путем осуществлялась борьба с преступностью в различных временных эпохах и различных государствах, а так же под влиянием каких факторов складывалось становление данного института. Сравнительный анализ зарубежного опыта применения «сделок с правосудием» позволяет создать более полное представление о сущности исследуемого института, подвергнуть критическому анализу возникающие в отечественной практике его применения проблемы, а так же осмыслить сущность и назначение института досудебного соглашения о сотрудничестве в российской доктрине.

Список литературы:

1. «Plea Bargaining and Its History,» 79 Columbia Law Review 1 1979.
2. Ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.
3. Quoted material from U. S. Constitution, amendment VI ст. 261–262.
4. Linch T. The case against plea bargain//Cato Institute, (2003).
5. Kinsley V. Why Innocent People Confess//www.washingtonpost.com
6. Stephanos B. Garmonizing substantive criminal law values and criminal procedure//Cornell Law Review, 2003, – № 6.

7. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Анализ, практика, выводы: монография/Кирсанов А. Ю. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 36 с.
8. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Издание Государственной Канцелярии. Часть вторая. СПб, 1866 г. На подлинном собственной его императорского величества рукой написано: «Быть по сему» в Царском Селе 20 ноября 1864 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Татьяна Л. Г. «Сделки с правосудием» в России и США: позитивные и негативные аспекты // СПС «КонсультантПлюс».

Section 6. Finance law

*Barkhudarova Margarita Romanovna,
National Research University,
graduate student, the Faculty of Law
E-mail: barkhudarova.margarita@mail.ru*

Environmental taxes on the example of Norway

Abstract: This article considers the issues on environmental taxes in Norway. More specifically the author covers four categories of environmental taxes, which are energy taxes, transport taxes, pollution taxes and resource taxes.

Keywords: environmental taxes, energy taxes, transport taxes, pollution taxes, resource taxes.

*Бархударова Маргарита Романовна,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
студентка магистратуры факультета права
E-mail: barkhudarova.margarita@mail.ru*

Экологические налоги на примере Норвегии

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, посвященные экологическим налогам в Норвегии. Более подробно автор освещает четыре категории экологических налогов: энергетические налоги, транспортные налоги, налоги на загрязнение окружающей среды и ресурсные налоги.

Ключевые слова: экологические налоги, энергетические налоги, транспортные налоги, налоги на загрязнение окружающей среды, ресурсные налоги.

Мир не стоит на месте: меняется климат, природа, развивается наука, промышленность. Вместе с тем меняется и окружающая среда. Ни для кого не секрет, что сейчас наша планета испытывает процесс глобального потепления. В большей степени происходит это из-за того, что в первую очередь люди думают о своей выгоде, ставя «здоровье» планеты на второе место. Проблемы загрязнения окружающей среды уже давно перестали быть вопросом одного государства. Страны всего мира борются с данным процессом. Необходимость решения вопроса экологической безопасности государств и создание механизма, который будет уменьшать и сдерживать негативное влияние выбросов в слои атмосферы, наносящих

экологии планеты видимый отпечаток, нашла свое отражение в положениях Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Финансовое регулирование экологического вопроса со стороны государства находит свое выражение в применении особых инструментов, какими могут являться:

- экологические налоги, введенные для изменения цен, и, таким образом, политики потребителей и производителей;
- торговые разрешения, введенные для снижения выбросов (квоты на выбросы CO₂, квоты на вылов рыбы;
- экологические взносы, введенные чтобы покрыть расходы на экологические службы;

- экологические субсидии и льготы, созданные для стимулирования развития новых технологий с высоким уровнем защиты окружающей среды;

- схемы ответственности и компенсации, цель которых — обеспечить возмещение последствий опасной деятельности [1, 130].

Одним из самых эффективных способов защиты окружающей среды является построение налоговой системы таким образом, чтобы протестировать общество в использовании щадящих для природы технологий применяя, в том числе, усиление налоговой нагрузки на загрязняющие производства. Платежи, выплачиваемые такими производствами, называются экологическими налогами.

Стоит сделать акцент на самом термине «экологический налог». Мы привыкли, что название налога отражает объект налогообложения, например, налог на прибыль, налог на имущество физических лиц. Однако когда речь заходит об экологическом налоге, мы теряемся в догадках. Связано это с тем, что в разных странах под данным термином понимаются разные налоги, установленные государством, так, например, в Норвегии существует налог на выброс углекислого газа, налог на оксиды азота и сборы за территорию для того, чтобы способствовать эффективному и быстрому освоению потенциальных месторождений, а также чтобы продлить срок службы уже существующих, в США существует налог на очистку нефтяных пятен на водоемах, налог на энергоносители в Нидерландах и т. д.

Директорат по налогам и таможенным сборам Норвегии разделил экологические налоги на семь групп по областям применения:

- энергетические;
- транспортные;
- платежи за загрязнения;
- платежи за размещение отходов;
- налоги на выбросы веществ, приводящих к глобальным изменениям;
- налог на шумовое воздействие;
- платежи за пользование природными ресурсами [2, 131].

Из данного перечня возможных платежей можно сделать вывод о том, что термин «эколо-

гические налоги» не раскрывает объект налогообложения. Данный термин является собирательным для всех платежей, целью которых служит защита окружающей среды. Особенностью данного налога является то, что в его состав входят несколько объектов обложения. Стоит отметить, что объекты имеют разную экономическую и правовую природу. Так, например, объектом налога на выброс двуокиси углерода является двуокись углерода, объектом налога на добычу полезных ископаемых признаются полезные ископаемые и т. д. В данном примере налог на выброс двуокиси углерода имеет природу экологических платежей, в то время как налог на добычу полезных ископаемых имеет природу, характерную для рентных платежей- платежей за пользование недрами, однако оба налога являются экологическими [3, 127–128].

Так как в разных странах существуют разные налоги, Евростатом было выделено четыре основных категории налогов, связанных с защитой окружающей среды. Это было сделано с целью унификации и возможностью проведения сравнительного анализа таких налогов. Выделяют следующие основные категории:

- энергетические налоги;
- транспортные налоги;
- налоги на загрязнение окружающей среды;
- ресурсные налоги.

Энергетические налоги. Данная группа налогов включает налоги на энергетические продукты, которые используются как для передвижных так и для неподвижных целей. Самым важным налогом в передвижных целях считается бензин и дизель. Энергетическими продуктами в неподвижных целях являются нефтяное топливо, природный газ, уголь и электричество. Налоги на углекислый газ включаются в группу энергетических налогов, а не в группу налогов на загрязнение окружающей среды, по нескольким причинам. Чаще всего они связаны с другими энергетическими налогами и не могут быть разделены в национальных счетах государства. Другой причиной является то, что данный вид налогов может заменять какой-либо энергетический налог. Если обратиться к ранее приведенной мною классификации экологических налогов, данной

Директоратом по налогам и таможенным сборам Норвегии, можно заметить, что классификация является более подробной. Связано это с тем, что Норвегия уделяет большое внимание проблеме загрязнения окружающей среды и предпринимает все необходимые меры для ее улучшения. В связи с этим, упомянутые мною выше причины отнесения налога на выброс углекислого газа в группу энергетических налогов являются неактуальными и в Норвегии разделение таких налогов по разным группам является возможным. По аналогии с налогом на выброс углекислого газа также можно рассмотреть и налог на выброс оксида серы. По унифицированной классификации Евростата он также относится к группе энергетических налогов. В связи с этим образовалась «традиция» северных стран, согласно которой данные налоги относят к группе энергетических [4, 46–48].

Транспортные налоги. Данная группа налогов в большинстве случаев связана с правом собственности и использованием автотранспортных средств. Налоги на другие транспортные средства, например самолет, яхта, и похожие транспортные услуги, например постоянно курсирующий чартер или рейс, предусмотренный расписанием), также включаются в данную группу, если они соответствуют общему определению налогов, связанных с защитой окружающей среды. Транспортный налог может быть как единовременным в случае с импортом или продажей транспорта, так и ежегодным, например налог с владельцев транспортных средств. Налог на бензин, дизельное топливо и другие транспортные горючие включены в группу энергетических налогов.

Налог на загрязнение окружающей среды. В данную группу входят налоги на измеренные или предполагаемые выбросы в воздух и воду, а также на твердые отходы и шум. Исключением из правил является налог на углекислый газ, который включается в группу энергетических налогов. Как упоминалось ранее, данная классификация была создана Евростатом, а так как Королевство Норвегия в Евросоюз не входит, данная классификация не всегда полностью соответствует ее налоговой системе. В связи с этим следует отметить, что Директорат по налогам и таможенным

сборам Норвегии выделяет другие группы, где платежи за размещение отходов и налог на шумовое воздействие являются отдельными группами.

Ресурсные налоги. Ресурсные налоги — это налоги на извлечение природных ресурсов, кроме нефти и газа, так как платежи данного вида имеют рентный характер. Данная группа налогов ставит перед собой определенные проблемы. Нет точного ответа на вопрос — наносится ли ущерб природе при извлечении природных ресурсов, однако в общей практике принято считать, что извлечение природных ресурсов может привести к загрязнению и почвенной эрозии. Интересен тот факт, что в Норвегии вообще не существует такой группы. Директорат Норвегии выделяет платежи за пользование природными ресурсами, однако в эту группу входит налог на добычу полезных ископаемых, что Евростат выносит за рамки данной группы.

Еще одной особенностью экологических платежей является их функция. Большинство ученых в данной области считают, что основная идея применения налоговых инструментов — это попытка установить зависимость между суммами отчислений предприятий в бюджеты и степенью вреда для окружающей среды, наносимыми этими предприятиями. Экологические платежи принято считать фискальным инструментом, так как чаще всего, их роль — это увеличение дохода бюджетов. То, что фискальная роль данных платежей в Норвегии велика, очевидно и бесспорно. Любой налог также может играть и регулирующую функцию, и считается, что фискальная функция все же превалирует над регулирующей. Однако, на мой взгляд, особенностью экологических налогов в Норвегии является то, что такие налоги в первую очередь выполняют регулирующую функцию. Это значит, что цель налогов в данном государстве не получить как можно больше дохода в казну, а оказать воздействие на какие-либо процессы, если за природные ресурсы приходится платить достаточно много, то у потребителя возникают стимулы к их рациональному использованию. Стоит заметить, что в Норвегии сильно развито животноводство, оно дает около 80% от всей продукции сельского хозяйства, а также Норвегия занимает 12 место

по уровню вылова рыбы. Именно поэтому государству так важно сохранить экологию своей местности. Для подкрепления точки зрения автора также следует отметить, что налоговой базой по экологическим налогам выступают именно сами загрязняющие вещества, и если следовать логике государства, оно устанавливает налоги с целью уменьшения выбросов загрязняющих веществ и отходов, благодаря чему уменьшается налоговая база по данным видам налогов и бюджет Норвегии получит меньше доходов. Получается, что эффективность налога тем выше, чем меньше поступления от его взимания. Это говорит о том, что в Норвегии экологические налоги выполняют больше регулирующую функцию, чем фискальную.

Одним из важных принципов функционирования налоговой системы является нецелевой характер налога. Это означает, что при уплате налога налогоплательщик не знает на какие цели пойдут

средства, которые он уплачивает. Однако, по мнению автора, суть экологических налогов состоит в возмещении ущерба, причиненного природе, а значит, средства, полученные при взимании их в качестве налогов, должны идти на мероприятия по улучшению экологической ситуации в стране. То есть характер экологических налогов является целевым. Когда в 2012 году в Норвегии стоял вопрос о снижении налога на топливо, норвежцы поддержали данную идею, однако после того, как было заявлено, что данный вид налога будет идти на определенные мероприятия по сохранению природы, многие изменили свое мнение. Дело в том, что жители Норвегии доверяют своему государству и проводимой им политике, и хотят не только поддержать, но и улучшить уровень экологии своей страны. Это, безусловно, заставляет всех нас задуматься о том, что мы можем сделать для нашей планеты.

Список литературы:

1. Гражданкина О. А., Гражданкин В. А., Киркеева Л. И., Шапошникова С. В. Экологические налоги в странах Европейского союза // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – Барнаул: «Алтайский государственный аграрный университет», 2013. – № 6 (104). С. 130–133.
2. Жуманова Д. Т. Экологические налоги: опыт зарубежных стран // Проблемы современной экономики. – Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2010. – № 1–3. С. 130–135.
3. Дмитрук М. Н. Особенности экологического налога как правовой формы взимания платы за природопользование // Вестник БГУ. Серия 3. История. Экономика. Право. – Минск: Белорусский государственный университет, 2006. – № 2. С. 125–130.
4. Чернявская Н. В., Клейман А. В. Экологические налоги в зарубежных странах: вопросы применения // Международный бухгалтерский учет. – М.: ООО «Издательский дом Финансы и Кредит», 2015. – № 30 (372). С. 42–51.
5. Naess E. M., Smith T. Environmentally related taxes in Norway / Statistics Norway. Division for Environmental Statistics, 2009. – № 5. P. 23.

Contents

Political science	3
Section 1. History of the political	4
<i>Dogaru Cosmin Ștefan</i> Romanian politics in 19 th century: the attitude of the liberals and the conservatives towards the two-party system	4
Section 2. Political problems of the international relations, global and regional development	9
<i>Dursunov Ramil</i> “Frozen conflicts” as the instrument of foreign policy	9
<i>Zymenkova Violetta</i> The U. S., China, and Russia in Central Asia	17
Section 3. Political institutes, processes and technologies	23
<i>Krysenko Oleksiy, Klipkova Hanna</i> Institution building in the postsoviet states in terms of inverse political transformations analysis	23
Section 4. Political culture and ideology	30
<i>Heiko Ital</i> Ökonomische Imperialismustheorien des 20. Jahrhunderts	30
Science of law	35
Section 1. Civil law	36
<i>Isho Konstantin Danielevich</i> Legal analysis of the practices of the inclusion in the tender documentation requirements for financial strength rating and size of the authorized capital of the insurer as tenderer in accordance with the Federal Law of 18.07.2011 no. 223-FZ “On procurement of goods, works and services of certain kinds of legal entities”	36
Section 2. Criminal science	42
<i>Evdokimov Konstantin Nikolaevich</i> Personality traits of computer criminals in modern Russia	42
Section 3. Public law	46
<i>Ekeh Richards U., Innocent V. O. Modo</i> The curtailment of testamentary freedom in the making of Wills in Nigeria	46
Section 4. Family law	52
<i>Bisha Eugena</i> The 2008 European Convention on children adoption; the changes it brought different from the 1967 Convention	52
<i>Moiseewa Tatiana Michailowna</i> Rechtsstand der Ehegatten — Bezieher der Wohnraumrente im russischen Recht	56
Section 5. Criminal trial	59
<i>Spiridonova Alina Olegovna</i> Historical retrospective of formation and development of the “plea bargaining”	59
Section 6. Finance law	64
<i>Barkhudarova Margarita Romanovna</i> Environmental taxes on the example of Norway	64